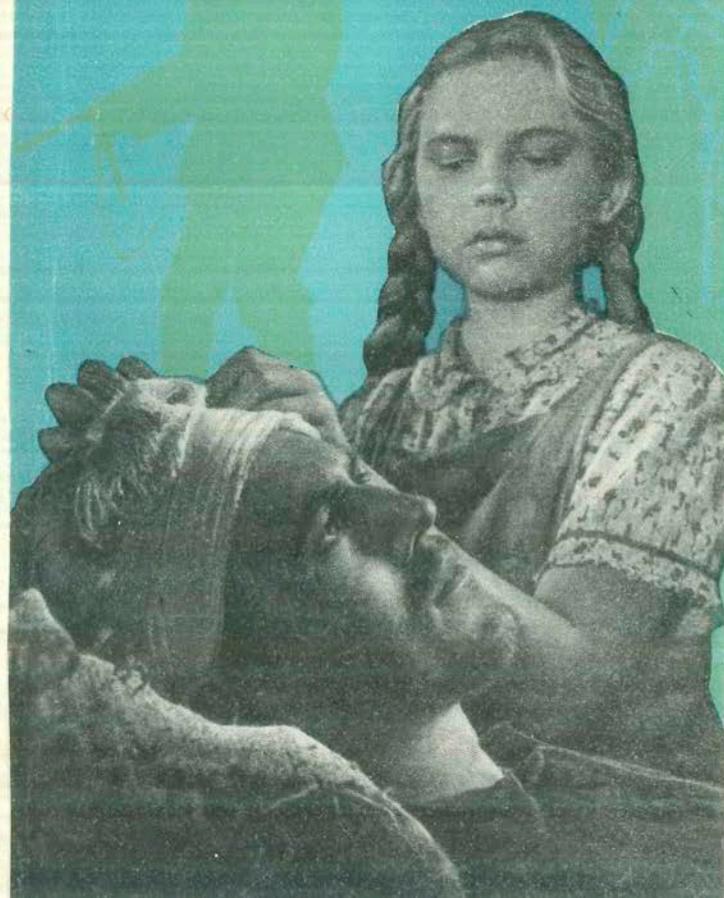

Puña

Федор Федорович Кнорре родился в Ленинграде в 1903 году в семье инженера-механика. В начале 1919 года он ушел из шестого класса средней школы добровольцем в Красную Армию.

После демобилизации поступил в Ленинградский театр народной комедии, затем перешел в Театр рабочей молодежи.

В 1929—1931 годах работал в Московском Центральном Траме. Писал пьесы и сам ставил их.

С 1925 года начал сотрудничать в молодежных газетах и журналах.

Первый рассказ «Неизвестный товарищ» был напечатан в журнале «Знамя» в 1938 году. В 1948 году вышел первый сборник рассказов «Твоя большая судьба». В последующие годы были опубликованы сборники рассказов Ф. Кнорре, а также пьесы «Встреча в темноте», «Две сестры».

Ф. Кнорре написаны киносценарии: «Истребители», «Сыновья», «Марите Мельникайте», «После шторма» и другие.

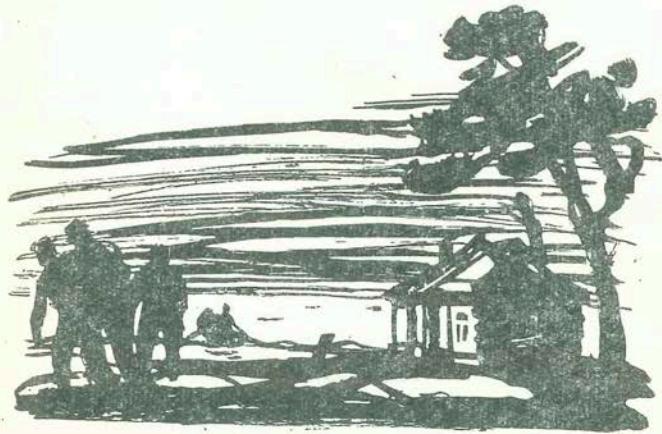
ФЕДОР КНОРРЕ

Рита

Киносценарий

Государственное издательство
«Искусство»

Москва 1959

У

зенькая улица маленького латышского рыбачьего городка. Домики, разбросанные среди старых сосен, пригнувших в одну сторону морскими ветрами.

Недалеко, за дюнами, видны мачты рыбачьих судов, лениво покачивающихся на воде.

Медленно вращая педали, проехала на велосипеде пожилая женщина с громадным молочным бидоном на багажнике.

Мальчик и девочка, обоим лет по двенадцати, идут по улице, держа с двух сторон кошелку, сделанную из рыбачьей сети. Это брат и сестра — Артур и Инесса.

Около входа в сельский универмаг они опускают сетку на землю. Она полна пакетов, кульков и коробок с макаронами.

Инесса вытаскивает из кармана и расправляет помятую бумажку, где для памяти записано, какие покупки нужно сделать в городе. Перечитывает ее, бормоча вполголоса:

— Макароны... крупа эта... крупа та, соль, чай... а где от ревматизма?

Оба озабоченно роются в сетке до тех пор, пока не обнаруживают аптекарскую баночку.

— От ревматизма есть... А табак?

Находится и пачка табаку.

— Так, — удовлетворенно вздыхает Инесса, пряча обратно записку. — Теперь, значит, остались только ботинки. И все.

Они берутся за сетку и входят в магазин, где торгуют любыми товарами: телевизорами, приемниками, мотоциклами, обувью, готовым платьем.

В отделе радио играет музыка. Около гремящего на весь магазин приемника, придвигнувшись вплотную, приставив к уху ладонь, сидит старый рыбак и внимательно слушает.

Другой рыбак, помоложе, очевидно, его сын, с сосредоточенным видом стоит у него за спиной. Дети остановились и с удовольствием прослушали музыку до конца.

Когда наступила тишина, оба рыбака переглянулись, потом повернулись к продавцу и одновременно оба утвердительно кивнули.

— Тебе тоже нравится? — спросил Артур.

— Угу!

— Я тебе потом подарю такой точно. Ладно?

— Ладно, — согласилась Инесса. — Спасибо! — И очень довольные, они отправились в обувной отдел.

Глаза их быстро пробегают по выставленным за стеклянной витриной табличкам с обозначением цен. Вот ботинки на толстой подошве — 72 рубля.

— Как ты думаешь, вот эти? — шепотом спросила Инесса.

— А хватит у тебя?

Отвернувшись, Инесса быстро пересчитала маленькую пачку денег, до половины вытащив ее из кармана, и решительно подошла к прилавку:

— Добрый день! — громко и очень вежливо обратилась она к продавщице. — Нам нужны ботинки. Вот на его размер. Только нам хотелось бы обязательно черные и на толстой подошве. Ведь это ему для школы, понимаете? — Она критически оглядела ряды выставленных ботинок и, будто впервые их увидев, указала на те, что они уже приглядели. — Вот что-нибудь в этом роде!

Она взяла из рук продавщицы один ботинок, передала его Артуру и внимательно стала следить за тем, как он примеряет.

— Ну-ка, наступи! Тебе вот тут не жмет?

— Они ему великоваты, — заметила продавщица. — Но таких меньшего размера сейчас у нас нет.

— Великоваты? Это даже хорошо, — улыб-

нулась продавщице девочка. — Вы не представляете себе, как у мальчиков быстро расстут ноги. Мы их берем. А сколько они стоят?

Мальчик раскрыл рот, чтобы напомнить, что цену-то они первым долгом разглядели, но Инесса незаметно толкнула его локтем.

— Семьдесят два рубля! — сказала продавщица.

— Спасибо. Заверните, пожалуйста.

Минуту спустя, продавщица, улыбаясь, смотрит, как дети степенно уходят с покупкой из магазина. Ей не видно, как, едва успев закрыть за собой дверь, девочка в восторге от покупки высовывает язык и делает рожу.

— Ну и разговаривала же ты с ней! Точь-в-точь, как мадам Цандерс, — давясь от смеха, восклицает мальчик. — Я думал вот-вот расхохочусь или стукну тебя по затылку.

— Так и надо... чтобы они не подумали, что к ним пришли какие-то малыши, которые ничего не смыслят в покупках...

Они снова берутся за сетку и идут дальше. Несколько ребятишек удят в море рыбу с прибрежных камней.

Дети на ходу здороваются с ними, как со старыми знакомыми:

— Как улов? — деловито спрашивает Артур.

— Нельзя жаловаться! — солидно отвечает десятилетний рыбак, кивнув на связку пойманной рыбешки.

Вот и почта. Маленький деревянный домик, у порога которого брошена старая сеть для вытирания ног.

Инесса заходит туда одна и, получив в окошечке газеты и письмо, быстро выходит обратно к ожидающему ее брату.

— От нее!..

— Ну, конечно, от нее, видишь, из Риги... И почерк ее!

Оба крайне взволнованы. Сгорая от любопытства, они пытаются рассмотреть письмо на свет. Инесса, послюнив палец, пробует слегка отклеить уголок, чтобы «только первые буковки поглядеть», но, так ничего и не разглядев, со вздохом прячет конверт в карман.

Ребята идут дальше. Уже недалек конец маленького пирса, где привязана их лодка.

Дети становятся серьезными, почти торжественными. На самом краю пирса, глядя прямо в открытое море, стоит обтесанная с одной стороны каменная глыба. На ней высечен якорь, пальмовая ветвь и надпись:

«Матросам и рыбакам, чья могила в море».

Мальчик снимает шапку и стоит молча, пока Инесса бережно кладет к подножию памятника букетик цветов.

Старый рыбак с женой, стоя около памятника, наблюдают за детьми.

— Вы, помните, значит, своего отца? Ведь вы были тогда совсем маленькими... — тихо сказал старый рыбак.

Артур ответил:

— Это неважно. Мы помним все, что нам рассказывает дедушка.

— Ну-ну... — одобрительно сказал рыбак. — Передайте привет дедушке от нас! Да гребите поживей к дому... Глядите, туман гуляет с каждой минутой!

Дети садятся в лодку, неторопливо засучивают рукава и берутся каждый за свое длинное весло. Над заливом плывет седой туман. Несколько дружных взмахов весел — и лодка начинает растворяться в белой мгле.

— Одни... в такой туман... — вздохнула, покачав им вслед головой, жена рыбака.

— Эти-то?.. Ну они тут, как у себя дома. Родились в соленой воде...

Среди густого тумана, под однообразный скрип уключин и мерный всплеск тяжелых весел, медленно двигается лодка.

Вдруг откуда-то из белесой мглы загремело радио: звон гитары, бравурные звуки оркестра и женский голос, поющий мексиканскую песню.

Ребята подняли головы и перестали грешить.

Через минуту из тумана медленно выплыла верхняя часть рыболовецкого сейнера. Слышен возглас впередсмотрящего: «Лодка по правому борту!»

Капитан перешел на правую сторону мостика, перегнулся через леер и махнул рукой радисту, чтобы тот выключил радио. Когда наступила тишина, он крикнул:

— Эй, малыши, не заблудились?

Девочка в ответ весело крикнула:

— Как улов, дядя Оскар?

— Ах, это вот кто! — усмехнулся капитан. — Улов — не жалуемся, хотя бывало и лучше... Как старик? Рита не вернулась?

— Вот от нее письмо, — помахала в воздухе письмом Инесса.

— А что она пишет? — спросил капитан.

— Масса новостей и вам вот такой большой привет! — протяжно крикнула девочка вслед удаляющемуся сейнеру. Лодка с ребятами снова осталась одна среди тумана...

В конце длинной песчаной косы стоит маяк и маленький домик смотрителя.

Комната в домике смотрителя маяка Лусиса, деда Инессы и Артура. В оконце видно затянутое туманом море. Лохматая собака лежит около двери.

Старый смотритель сидит в камышовом кресле-качалке с трубкой в зубах и в раздумье бормочет про себя:

— ...Конечно, не надо было их сегодня отпускать... А если она так умеет пристать и приласкаться, что становишься совсем дураком и все делаешь, как ей нравится?

Он тревожно смотрит в окно, потом взгляд его останавливается на стене, где по обычанию висят картинки и фотографии. В траурной рамке на видном месте — карточка рослого светловолосого рыбака, сына Лусиса. Рядом фотография молодой девушки со шрамом на щеке, старшей сестры Инессы — Риты.

Точно обращаясь к ним, старик продолжает раздумывать вслух:

— ...ну, я виноват, да, да, да! Старый болван... Теперь даю слово, что на этот раз я покажу характер и проучу их как следует, пусть только вернутся... В такой туман долго ли попасть под какой-нибудь сейнер... или заблудиться... Пусть только вернутся... ох, пусть только они вернутся... Просто несчастье, когда в доме нет женщины... Женщина волнуется, ахает, а ты подсмеиваешься над бабьими страхами, и тебе легче. А что остается делать, когда ты один?.. Тыфу, сидишь вот и сам себя проклинаешь!

Поднявшись с места, он выходит из дома вместе с собакой. У самого берега моря он останавливается, тревожно взглядываясь в гущу тумана. Собака садится у его ног.

Вдруг она насторожила уши и вскочила.

Старик покосился на нее. Прошла минута напряженного ожидания, и она снова легла на песок. На море завыла сирена, уныло и протяжно, и замолчала.

Собака снова вскочила, вся напряженная, насторожившаяся.

— Ну, слушай, слушай!.. — шепотом подбодрил ее старик. — Что там?

Вдруг она весело, точно с облегчением залаяла и кинулась в воду. Через минуту старик услышал равномерное поскрипывание уключин...

Собака с радостным лаем встречает лодку, по горло забравшись в воду.

— Так я и знала, — с раскаянием сказала

Артуру Инесса. — Гляди. Стоит, наверное, уже целый час, дожидается.

— Вот теперь уходит в дом, разозлился.

— Он не злится, просто сам не свой делается, когда такой туман.

— Да, верно, в туман он просто места себе не находит... Опять всю ночь спать не ляжет.

— Спать? Ни за что...

Старик, едва заметив лодку, действительно тотчас же ушел в дом.

Он снова уселся в свою камышовую качалку, закурил давно погасшую трубку и умиротворенно пробормотал:

— Ну ладно, я могу сейчас на них накричать и натопать ногами. Мне это ничего не стоит... Да ребята-то ведь вернулись, ведь ничего худого не случилось... И так славно гребли на пару, до того дружно наваливались на весла, посмотреть — удовольствие... честное слово...

Он бросил смущенный взгляд на портрет сына и усмехнулся.

— Конечно, с ребятами надо построже для их же пользы, я понимаю... — и вдруг, горячо выражая сам себе, воскликнул: — А что, плохие ребята, что ли? Дружней я и не видывал. Так чего же на них топать?.. Ф-фу... и еще этот туман проклятый... окаянный этот туман, хоть бы ветерок поднялся...

Инесса первой ворвалась в комнату в сопровождении ласкающейся к ней собаки:

— Дедушка, новость! Письмо! От Риты!

А в рыбакском клубе установили телевизор! Дядя Оскар тебе кланяется, они вернулись на берег. Улов хороший! Старики Рамины тебе кланяются! Ботинки купили шикарные! Распечатывай письмо вот здесь, я тут нечаянно немножко надорвала.

Дед вскрывает письмо, вынимает оттуда исписанный листок, затем фотографию. Девушка-учительница со шрамом на щеке стоит среди маленьких ребятишек во дворе школы. «После моего первого учебного дня» — написано чернилами в уголке фотографии.

Старый Лусис вслух начинает медленно читать письмо:

— «Дорогие дедушка, братишка, сестренка! Сегодня для меня торжественный день. Фотография вам все объяснит...».

Наступил вечер. Домик и нижняя часть башни маяка тонут в густом, медленно клубящемся тумане, покрывающем море и берег.

Иногда с моря доносятся звуки сирены или повторяющиеся сигнальные гудки судов, пробирающихся почти вслепую.

Старый Лусис задумчиво сидит у окна, наблюдая, как равномерно вспыхивает и гаснет сигнальный фонарь.

— Ты сегодня спать не будешь ложиться? — спрашивает Инесса.

— Нет. Автомат — хорошая штука, но в такую ночь нельзя полагаться только на его работу... Да я и не заснул бы, хотя бы и лег в постель.

Дети переглянулись, и Артур наконец решил:

— Наш отец с товарищами, тоже... погибли вот в такую ночь?

— Разве кто-нибудь вам об этом рассказывал?

— Нет, но ведь мы догадываемся, — тихо сказала девочка. — Ты о нем сейчас думаешь?

— Ладно-ладно, очень ты догадлива старла... О чем я думаю!.. Мало ли о чем я думаю?.. Что вам спать пора, вот о чем я думаю! Где эта фотография Риты, давайте сюда, надо ее спрятать.

Старик отпирает ключиком потертый матросский сундучок, вынимает оттуда большую жестяную коробку из-под турецкого табака и собирается спрятать туда фотографию.

— Ну вот... — демонстративно громко вздохнула девочка. — И эту в сундук! Так я и знала.

— Да, пусть полежит. Карточки, как хорошее вино, приобретают цену с годами. Сегодня это так... бумажка, а через десяток лет ей цены нет...

— Ну хоть показать-то можно, сколько раз просим! — обиженно сказала девочка.

— Подрастете, покажу. А что вы, малыши, сейчас поймете!

— Мы-то малыши? Ты погляди на нас, дед!

Дед некоторое время пристально их разглядывает, и, видимо, его поражает мысль, что ребята и вправду подросли.

Дети стоят перед ним, прислонившись к дверному наличнику, на котором отмечен зарубками их рост.

— Да, конечно, вы уж не такие... — нерешительно бормочет дед. — Но не воображайте, что вы уж очень взрослые!.. Ну, только руками не трогайте...

Порывшись в коробке из-под табака, он вытаскивает из пачки старых фотографий разного размера, пожелтевших, а местами покрытых трещинками, одну и кладет ее на стол, рядом с только что полученной.

С жадным любопытством дети наклоняются над столом.

— Ну-у, эту мы видели! Ты нам показывал. Это когда Рита была маленькая.

На старом снимке, который рассматривал дед, мы видят ту же девушку-учительницу, Риту. Только здесь она сама еще школьница и стоит среди своих подруг около старой учительницы. Обе группы, снятые по обычному шаблону, очень похожи одна на другую.

— Как она на тебя похожа! — говорит Инессе мальчик.

— Мордочкой она похожа на Риту, что и говорить. Постарайся вырасти похожей на нее, девочка. Такой, как она... — А это ваш отец с мамой и Ритой. Вас тогда еще не было на свете.

— А это? — воскликнула Инесса и вытащила фотографию голенького малыша.

— Я сказал: руками не трогать! — сердито прикрикнул дед. — Сейчас все обратно в сундук запру... Кто, кто!.. — и вдруг смущен-

но ухмыляется. — Смешно сказать, ребятки, но ведь это я сам. Честное слово. Да... был вот таким... Что поделаешь? Все были такими. И ты, парнишка, будешь таким, как я сейчас. Надо смотреть по порядку, а то все перепутаешь.

Инесса быстро целует дедушку в щеку:

— Ты был очень хорошенъким, дедушка, но сейчас ты все-таки гораздо лучше.

С моря доносится завывание сирены.

— Ох, паршиво сейчас в море; ох, паршиво!..

Инесса снова быстро поцеловала старика в щеку:

— Ну!

— Что — ну?

— Ты же сам сказал, что надо по порядку.

Откинувшись в нерешительности на спинку качалки, старик задымил трубкой.

Инесса вдруг тихонько вскрикнула, близко разглядывая старый снимок.

— Дедушка!.. Что это? У Риты тут нет на щеке шрама!

— Да, тогда шрама еще не было...

По обыкновению, оглядывая портреты на стене, дед начинает раздумывать:

— ...Ну, пускай я решил им не рассказывать... Еще вопрос, такое ли это правильное решение?.. Жизнь у них идет гладко, и горя они не видели. Но жизнь-то не всегда такой бывает. Найдутся люди, которые меня осудят. Это те, кто считает, что, разговаривая с ребятишками, надо все горькое как следует

присыпать сахарком... — и вдруг, точно споря с самим собой, восклицает вслух: — А если я не желаю, чтобы они выросли похожими на маленьких страусят, которые от всех неприятностей только прячут голову под крыло...

— Они в песок прячут, — сказал Артур. — Мы тоже не хотим быть страусятами.

— В песок? Гм... Все равно глупо.

— Дедушка, ну?.. — настойчиво тихо повторяет Инесса.

Оттягивая еще на мгновение начало рассказа, дед с беспокойством смотрит в затянутое туманом окно, за которым то гаснет, то вспыхивает луч маяка:

— Проклятая ночь... Да, вот и тогда такая же была ночь... Шла война. А здесь кругом были фашисты. Нет, не с ночи надо начинать. Рита была в школе в тот день, и их снимали на память...

Фотография заполняет весь кадр. Щелкнул затвор аппарата — и дети задвигались, сошли со своих мест. Это невеселые дети последнего военного года в оккупированной зоне.

Попрощавшись с учительницей, школьники расходятся по домам.

Рита с подругой останавливаются, чтобы пропустить фашистский патруль, проходящий по той самой улице рыбачьего городка, которую мы видели в первых кадрах фильма.

Затем, уже одна, она медленно идет вдоль длинной песчаной косы. Зловеще подвывая, в небе проплывают самолеты с крестами на

крыльях... Где-то вдалеке в море бухают пушичные выстрелы. Уходит, теряясь в тумане маленькая фигурка...

Голос деда Лусиса, который продолжает рассказывать:

— «...наступила туманная, темная ночь, пожалуй, похоже сегодняшней. Окна в домах были темные, и маяки были погашены... Наш домик стоял в той стороне, на косе. Ваш отец был в море, а мы с Ритой не спали и сидели у окошка, прислушиваясь к тому, что творится в тумане, и у нас очень тревожно было на душе»...

Дед, моложе на десяток лет, в рыбакской одежде сидит у окошка. Около него девочка лет двенадцати — это Рита. В углу на маленькой кроватке спит ее двухлетняя сестренка — Инесса... За окном туман, ночь... Глухой взрыв большой силы доносится с моря... Взлетает сигнальная ракета.

Фашистский патруль медленно проходит по берегу и скрывается в тумане. Затем слышен легкий плеск весел, еле различимый в шуме маленьких волн, и, выплыv из тумана, к берегу подходит лодка.

Спрыгнув прямо в воду, на берег быстро вышел рослый рыбак и пошел к домику.

Рита, просияв, шепотом воскликнула:

— Папа!.. — И бросилась открывать дверь. Тяжело дыша, рыбак спросил:

— Патруль прошел?

— Минут десять, не больше.

— Хорошо, тогда успеем... Такое дело, отец. Там транспорт фашистский наскочил на мину... Кругом разбросало обломки... людей... Мы подобрали четырех из воды. Говорят: их везли из концлагеря...

— «Говорят», «говорят»! — с беспокойством зашептал дед, оглядываясь. — А похоже, что они действительно из концлагеря?

— Похоже — из самого ада... Люди бросались в воду, чтоб утонуть, только бы их не вернули обратно... Пойдем, помоги, — и, обернувшись к Рите, быстро добавил: — А ты задела, ты спала, понимаешь?

— Поняла. Я спала, — сказала девочка. Но едва взрослые вышли из дома, она припала к окошку.

Через окошко она видит, как рыбаки вытаскивают из лодки двух раненых. Двое других с трудом выбираются сами. В одном из рыбаков мы узнаем Оскара, капитана сейнера, с которым повстречались Инесса и Артур, возвращаясь с покупками из города.

Отец Риты и один рыбак остаются у лодки. Все остальные, поддерживая раненых, медленно уходят по направлению к городу. Девочка вдруг понимает, что отец собирается снова уходить в море. Она высакивает из дома и побегает к отцу:

— Слышишь, мотор трещит? В море вышли патрульные катера! Оба рыбака минуту тревожно прислушива-

ются к треску глухо работающего в тумане мотора.

Отец наклоняется и, приподняв с земли девочку, внимательно смотрит ей в лицо:

— Помни, если будут спрашивать: ты спала... А мы все-таки попробуем еще раз выйти... Понимаешь? Люди сами бросались, чтоб утонуть. — Он прижал к себе девочку, но, не поцеловав, опустил на землю. С ожесточением оттолкнул нос тяжелой лодки от берега, затем, пробежав несколько шагов, тяжело перевалился через борт и схватился за весла.

Постепенно сквозь плеск волн и далекий шум мотора проступает голос рассказывающего деда Лусиса:

— «...так они ушли в море, как подобает честным морякам, на помощь неизвестным братьям. Ушли и больше не вернулись...».

На фоне торжественной музыки возникает знакомый памятник: «Матросам и рыбакам, чья могила в море». Снова медленно плывет пустынnyй берег, где стоят рыбачьи домики. Уже утро.

Рита со школьной сумкой в руках стоит на пороге дома, встревоженная и печальная:

— Может быть, они просто не успели вернуться до рассвета, дедушка? — говорит она, взглянувши в море, где уже почти не осталось следов ночного тумана.

— Вернее всего, так оно и есть, — отвечает Лусис тоном, очень далеким от убежденности.

— Тогда они вернутся этой ночью, правда?

— Ну да. Этой, а может быть, и следующей.

— Мы будем каждую ночь их ждать.

— Конечно... Иди, ты в школу опоздаешь...

Девочка, опустив голову медленно идет по песчаному берегу.

Вот она дошла до того места, куда ночью подходила лодка... И вдруг на влажном песке замечает множество ясно отпечатанных следов людей, тащивших раненых, и неровные следы хромавшего человека...

Беспомощно оглянувшись по сторонам, Рита в страхе пытается затоптать следы своими маленькими ногами, потом бросается на песок и старается заровнять их руками. Но длинная цепочка следов, ведущая через дюну к городку, тянется так далеко, что через минуту она понимает бесполезность своей работы.

Тяжело дыша от страха и усталости, девочка бежит по следам вглубь берега и вдруг останавливается, поняв, что они ведут прямо к школе, самому большому, двухэтажному зданию на окраине городка.

Наконец следы пропадают на мощеной улице, но их направление и так достаточно ясно.

Минуту Рита, закусив губу, напряженно думает, потом бросается бежать. Бежает на школьный двор, где в ожидании занятий тол-

пится десятка три школьников, влетает в круг своих сверстников, запыхавшаяся, возбужденная:

— Ребята, вот сию минуту я видела!.. Там на песке рыбища!.. Глаза вот такие... И так дышит громко: уфф! уфф!.. Я думаю — акула!

Слышатся недоверчивые взгласы, однако вокруг Риты собирается большая кучка любопытных, которых она заражает своим волнением.

В это время в дверь домика Лусисов стучит фашистский солдат. Два автоматчика с полицейскими овчарками стоят в ожидании на берегу.

— Что-нибудь слышал подозрительное ночью? Шлялся кто-нибудь тут по берегу? — внимательно оглядывая комнату, спрашивает солдат. — Нет? Конечно, нет! Еще бы. Идем с нами, и, если ты врешь, ты знаешь, что тебе будет!

Они идут вдоль берега, приближаясь к тому месту, где ночью приставала лодка.

Старик Лусис останавливается, как будто что-то припоминает:

— Пожалуй, если что и было, то какой-то шум слышался вон с той стороны. — Может, туда сходить посмотреть?

— С той стороны? — усмехнулся солдат. — Ладно, значит, пойдем в эту...

Обогнув дюну, они выходят к месту высадки, и старик, приготовившийся к самому худ-

шему, широко раскрывает от изумления глаза: целая толпа ребятишек со школьными сумками бегает по берегу, заглядывая в воду, чтоб разглядеть, нет ли там действительно акулы.

После грубого окрика патрульного они убегают по направлению к школе, оставив после себя истоптанный песок.

Овчарки, подозрительно обнюхав массу следов, в нерешительности покружились и, уткнув носы в землю, натянули поводки и пошли дальше вдоль берега.

Старый Лусис пристально смотрит вслед убежавшей со всеми Рите. После некоторого изумления у него, видимо, рождается какая-то важная мысль.

За кадром вступает его голос — голос размышляющего человека:

— «В этот момент я в первый раз посмотрел на девочку новыми глазами: вот, значит, на что она способна, эта малышка...».

Вечер. Тихо разговаривая, медленно идут рядом два рыбака — Лусис и Оскар:

— ...и это все она сама придумала про акулу? — переспрашивает Оскар, и в голосе его чувствуется уважение: — Ну-ну!.. Всегда это счастье, что мы их не спрятали у кого-нибудь из рыбаков.

Они подошли к калитке, ведущей на задний двор школы.

Через минуту во двор выходит пожилая женщина с суровым лицом. В руках у нее ведро и щетка: это школьная уборщица и сторожиха Марта.

Она подошла к калитке и, не отворяя ее, оперлась локтем о низенький заборчик.

— Ну? — совсем тихо спросил Оскар.

— Один совсем плох.

— Мы так и думали... Ты их покормила?

Женщина презрительно усмехнулась.

— Мы тут принесли для них кое-что. Завтра к этому часу кто-нибудь принесет еще.

— Я им отдала весь йод. А в аптеку теперь боюсь показываться.

— И не надо. Мы принесем завтра.

— Если их там найдут, нас всех расстреляют, да? — тихо спросила женщина.

— Ты боишься? — шепотом спросил Оскар.

— Нет, — сказала женщина. — Я не боюсь. Просто я не нахожу себе места, и сердце у меня останавливается от каждого шороха там, наверху.

— Это только на время, мы постараемся что-нибудь придумать, — сказал Лусис.

— Бинтов приносите побольше, — холодно проговорила Марта. — И поменьше шатайтесь около школы, раз уж вы меня втянули в такое дело.

— Ладно, мы уходим, Марта... А ключ от чердака всегда у тебя?

— Двадцать три года у меня.

Взяв у рыбаков пакет, она круто поворачивается к ним спиной и, не попрощавшись, уходит.

Через минуту Марта поднимается по узкой лестнице, открывает люк и выходит на чердак. Через единственное полукруглое окно падает свет луны, освещая толстые балки, старые школьные парты, покрытые многолетней пылью, и пачки ученических тетрадей, перевязанные бечевкой.

Затем она видит человека, сидящего на полу, прислонившись к балке. Глаза его широко открыты, он напряженно всматривается в темноту. В руках у него тяжелый трофеинный пистолет. Это русский сержант Сергей. Плечом к плечу рядом с ним полулежит, тоже всматриваясь в темноту, Марис, латыш, матрос с военного корабля.

Немного в стороне, с трудом приподнявшись на локте, затаив дыхание, лежит Пьер, француз из того же концлагеря.

В тишине вдруг слышится слабый торопливый шепот солдата Айвара, который бредит, лежа на соломе, с закрытыми глазами:

— ...не подпускай близко, не подпускай... гранату вперед, три секунды отсчитай, сам за гранатой... тут озимые, братцы, тут кругом ози-мые... — и, мечтательно растянув последнее слово, вдруг торопливо спрашивает: — Почта пришла? Почта пришла?.. — и замолкает.

Ствол пистолета медленно опускается вниз. Ни на кого не глядя, Марта ставит на пол кувшин с водой и кладет сверток с едой, принесенный рыбаками. Ей хочется как можно скорее уйти.

— Спасибо, мамаша, — сказал Сергей.

— Палдиес, мамина, — улыбнулся Марис.
— Мерси, — полушепотом произнес Пьер. Марта удивленно обвела их всех взглядом:
— Вы что?.. Разных наций?
— Да, — сказал Марис, — разных. Но все из одного санатория.

Пьер, у которого перевязано горло, хриповатым шепотом спросил что-то у Мариса, и тот повторил вопрос:

— Где мы находимся? Нам будто детские голоса... пение слышалось? Это школа?

— Школа. Сюда на чердак никто не ходит, кроме меня. Только я иногда здесь белье сушу. В плохую погоду.

Айвар вдруг зашевелился, стараясь приподняться, и громко заговорил:

— Письма?.. Письма принесли?..

— Лежи, лежи, нет еще писем. Будут — скажем тебе.

Айвар тяжело откинулся на спину и, затихая, проговорил с тоской:

— Нет и нет... Что это за мученье, все нет...

Марта, стискивая руки от волнения, сказала:

— Он так громко разговаривает. Внизу могут услышать. Не сейчас, а днем.

— Надо бинты ему переменить на голове.

— Я знаю. Вам принесут бинты и йод... Я пойду. Тут вот еда...

Она торопливо уходит, спускается по лестнице вниз и долго стоит около наружной двери, в страхе прислушиваясь. Наконец, успокоенная, возвращается в свою комнату.

После короткого раздумья Марта выдвигает ящик комода, где лежит аккуратно выглаженное белье. Долго копается, тщательно выбирай, и наконец вынимает старую ночную рубашку. Она смотрит ее на свет, на ветхой материю видны штопки и дырочки. Затем берет ножницы, собираясь разрезать ее на полосы, и вдруг, с ожесточением скомкав, швыряет рубашку обратно в ящик, хватает лежащую сверху лучшую простыню и, всхлипывая, с треском рвет ее на полосы, скатывает их как бинты...

В школьный ранец Риты руки Лусиса укладывают среди учебников хлеб, сверточек с маслом, баночку йода, вату...

— Когда никого близко не будет, ты отдашь это все тете Марте. Ты только поставь около нее ранец, а сама отойди. Она возьмет что нужно, и тогда ты иди спокойно в класс и занимайся...

— Я же всегда так и делаю, дедушка, — терпеливо вздохнула девочка. — Если будешь уходить, Инессу отнеси к соседке, не оставляй одну.

Ее маленькая сестренка в это время играет с собакой, которая мешает ей пить молоко.

— Ну, я же всегда так и делаю! — отмахивается дед. — Значит, ты подойдешь к ней, когда никого не будет...

Рита вскинула сумку на плечо и, кивнув, вышла из дома.

Прошла по пустынному песчаному берегу,

свернула в дюны и подошла к школе. Но школа сегодня выглядит как-то странно. В отдалении толпятся ребятишки с сумками и ранцами. Ворота закрыты.

— Почему ворота не открывают? — спросила Рита у подруги.

— Вон, читай, — сказала девочка.

На воротах прибито аккуратное объявление:

«Ввиду серьезного положения на фронтах школьные занятия прекращаются. Старшие школьники и учителя должны применить все свои силы на пользу общего дела победы германских вооруженных сил в тылу и на фронте».

Растерянная и испуганная, отходит Рита к своим подругам. Они, перешептываясь, стоят в нерешительности, издали поглядывая на ограду большого школьного двора.

Вдруг дверь школы открывается и оттуда выходят два пожилых немецких солдата. Они деловито выносят школьную парту и аккуратно ставят ее в ряд с другими под навес дровяного сарая.

Затем так же неторопливо берут солдатскую койку и возвращаются в школу. Навстречу им из школьных дверей выходят еще два солдата. Один из них несет классную доску со следами цифр, написанных детскими почерком, а другой, ухмыляясь, тащит учебный скелет.

У ворот уже появился автоматчик. Он прохаживается неторопливым шагом часового.

В обширный, огороженный забором школьный двор въезжает военный грузовик с доска-

ми. Солдаты начинают выгружать на землю доски, и в это время подъезжает второй грузовик с довольно странным грузом: из кузова виднеется несколько бронзовых бюстов, небольшой памятник и медный церковный колокол.

Человек в штатском, с маленькими усиками, распоряжается разгрузкой.

Из легковой машины, подкатившей к воротам, вышел немолодой тощий майор. Человек в штатском, увидев его, щелкнул каблуками и выкинул руку в фашистском приветствии:

— Хайль!

Майор, оглядывая работающих во дворе солдат, небрежно кивнул в ответ.

— Работа, я вижу, уже пошла? Отлично. Вы человек опытный, господин Камерер. Вас учить не приходится!

С самодовольной почтительностью Камерер слегка поклонился:

— Так точно, господин майор! Я надеюсь, господин майор! С первых дней войны работают! Польша, Белоруссия, Украина!..

— Да-да, — рассеянно прервал его майор. — Только не забывайте, что сейчас мы вступили в несколько иной фазис. Теперь нужны ускоренные темпы!

— Я понимаю!

— Да. Собирайте все, что можно, на ваш склад. Сортируйте и, не теряя времени, отправляйте, отправляйте! Самое ценное в первую очередь... Без всякой паники, но не теряя времени. Ну, желаю вам успеха. Да хра-

нит вас бог и фельдфебель с караульной командой, которую я вам оставляю!

Слегка улыбнувшись собственной шутке, он прикоснулся рукой в перчатке к козырьку и сел в машину.

— Хайль! — крикнул Камерер и, не трогаясь с места, почтительно дождался, пока машина отъехала.

Затем деловито нагнулся и открыл крышку одного из ящиков, сложенных во дворе. Ящик полон дверных ручек. Другой, в который он тоже заглянул, доверху набит мясорубками.

Рита стоит в нерешительности за решетчатой оградой двора. Вдруг замечает Марту, которая идет через двор в сопровождении пожилого немецкого солдата с озабоченным и усталым лицом. Это Эрих.

Солдат подвел Марту к Камереру.

— Господин Камерер, эта женщина просит разрешения с вами поговорить, — сказал он и равнодушно отвернулся.

— Господин начальник, — тихо проговорила Марта. — Вы ведь будете теперь здесь начальником?

— Угу, — сказал Камерер, приглядывая за тем, как складывают доски.

— Я двадцать три года здесь живу и работаю. Может быть, вы разрешите мне остаться. Я буду работать.

— Посторонние на территорию склада не могут допускаться. Вы видите, тут охрана. Вот, смотрите.

Марта посмотрела. К крыльцу приставлена заготовленная вывеска:

К. Камерер.

Контора по эксплуатации
хозяйственных ресурсов Восточных провинций.

— Я буду очень стараться хорошо работать, только позвольте мне тут остаться. Двадцать три года...

Камерер, отвернувшись, делает знак, и ворота захлопываются.

Эрих, прислушивавшийся к разговору, вскользь заметил:

— Бестолковая женщина, господин Камерер. Только я подумал, что, может быть, вам понадобится прислуга, раз сюда приезжает фрау Камерер.

— Эта? — обернулся Камерер. — Нет!

— Отлично. Вопрос ясен, — невесело сказал солдат. — Пойдемте, мадам, — он слегка потянул Марту за рукав. Они медленно пошли обратно к домику сторожа, и солдат строго продолжал: — Вы, латыши, все-таки малоцивилизованный народ. Цивилизованные народы прежде всего дисциплинированы. А вам надо все повторять по два раза!

Они вошли в комнату Марты. Ящики комода полуоткрыты и пусты, вещи наспех сложены.

Солдат присаживается на край стола и закуривает сигарету.

— Я же вам говорил, что его не стоит и просить! Сам-то он пешка... Собирайтесь, собирайтесь, милая женщина, не теряйте времени... Да к тому же еще и штатская пешка...

Но вот: бац! Приказ! И мы охраняем его паршивую контору со всем этим проклятым хламом!.. Давайте я помогу вам вынести этот узел.

Эрих, слегка подталкивая Марту узлом, двинулся к двери. Марта обернулась и умоляюще дотронулась до его рукава.

— Господин солдат, подождите! Ведь я согласна работать на него совсем даром!

— Пустые разговоры, милая. Пошли, пошли!

Вдруг Марта делает испуганное движение:

— Господин солдат, простите, я забыла ключ!

На гвозде, вбитом в стену, висит ключ от чердака.

— Зачем вам ключ, милая женщина, когда дверь остается здесь? — рассудительно заметил солдат, и они вдвоем, с узлами, вышли из комнаты.

Эрих, пройдя вместе с Мартой через ворота, положил ее узел на тротуар и ушел.

Школьники нерешительно один за другим подошли к тете Марте, которую они все хорошо знают. Одной из первых подошла Рита.

— Тетя Марта... вы уходите? Вы не вернетесь больше... туда? — только они двое понимают значение этого вопроса.

— Нет... теперь туда никто не попадет... посторонний.

Рита медленно подняла глаза вверх на маленькое полукруглое окошечко в крыше школы.

Затем мы видим это окошечко ближе.

И в медленном наплыве исчезает крыша и появляется внутренность чердака.

Марис, встав со своего места на соломе, прихрамывая, подошел к Сергею, который с пистолетом в руках сидит «на часах», неотрывно глядя на крышку чердачного люка.

Сергей передает пистолет Марису и уступает ему свое место.

Айвар вдруг громко невнятно проговорил:

— Няня... дай попить, няня...

Трое остальных нерешительно переглянулись. Сергей взял кувшин и, медленно наклоняя его дрожащей от напряжения рукой, тоненькой струйкой налил около трети стакана. По наклону кувшина видно, что в нем почти не осталось воды. Сергей еще раз оглянулся на Мариса. Тот облизнул пересохшие губы и тихонько махнул рукой. Сергей взглянул на Пьера, внимательно наблюдающего за кувшином.

Пьер вздохнул, улыбнулся и кивнул головой.

Сергей сильно наклонил кувшин. Оттуда пролилась и оборвала последняя струйка воды.

Придерживая рукой голову Айвара, Сергей осторожно дает ему пить. Айвар жадно пьет с закрытыми глазами и, как ребенок, тянется к пустому уже стакану.

Через минуту он открывает глаза, точно проснувшись; он в полном сознании, слабо усмехается:

— Ты, Сергей?.. А мне няня кажется... А Пьер где?

— Как дела, Айвар? — по-французски спросил Пьер, улыбаясь.

— Полегче как будто, правда... А я было уже последнюю надежду потерял.— С усилием повернув голову, он посмотрел на Мариса. Тот улыбнулся, кивнул и тотчас опять перевел глаза на крышку люка.— А ты в карауле, при исполнении обязанностей!

— Куда это тодится? Надежду никак нельзя терять,— сказал Сергей.— Мы ведь насчет этого ясно постановили. Надо за нее держаться.

— Я-то держусь за нее,— слабым голосом, как будто оправдываясь, сказал Айвар.— Только чувствую, она у меня все-таки слабенькая какая-то. А я за нее вот как держусь.

— Все будет хорошо, очень хорошо,— по-французски проговорил Пьер.

Уловив одно только слово, Айвар кивнул понимающе:

— Бьян?.. Кто его знает? Может, и правда будет бьян!.. Мне легко как-то стало. И не болит сейчас ничего. Попить бы только.

— Потерпи,— сказал Марис, — скоро наша бабка придет, целое ведро принесет.

— Ладно... — покорно отозвался Айвар. Он лежит с полузакрытыми глазами и слегка усмехается.— В голове у меня все на место стало. И все я понимаю... Как мы все адреса друг друга запоминали... Все: город Лиль, рю де Пти Кок, восемнадцать, Луиза и Алин Буланже. Точно?

— Точно! — по-русски подтвердил Пьер.

Айвар, довольный собой, посмотрел на Сергея:

— И твоих помню: Углич, улица Советская, пятьдесят два, Санникова Мария... Стеша. Что?

— Здорово.

— А мой? — с беспокойством вдруг спросил Айвар. — Все помнят? Мало ли: вдруг один только из нас всех спасется? Я, главное, насчет тебя, Пьер, беспокоюсь, как?

— Я? О, пожалуйста, — по-французски, живо отозвался Пьер. — Район Кандава, хутор Аболкални, Аболинь Мильда — это твоя мать!.. Аболинь Мартин — это твой отец!.. и Дзидра — это твоя маленькая невеста!..

Айвар слушает, радостно улыбаясь:

— Хорош, тре бъен, все точно, Пьер!.. И, если придется, напишешь из своего города Лилля хорошее письмо, подлиннее, все опиши, где мы были.. как вырвались и... кому какая судьба под конец досталась...

Он начинает говорить все медленнее, голос звучит глуше, он опять впадает в беспамятство.

Марис бросил в его сторону быстрый взгляд и тихо, раздельно проговорил, чтоб Айвар услышал:

— Кому придется писать, все напишет. А если придется про тебя, то напишем, как ты первым выбил дверь и выбежал на палубу и получил первую пулю за всех нас...

Уже не слыша его, Айвар невнятно проговорил:

— Лилль... красивый город... Цветы такие: называются лилии... — и замолчал.

В наступившей тишине откуда-то снизу, со двора, явственно донеслась немецкая команда.

Сергей подошел и сел рядом с Марисом, что-то ему шепнул. Марис вытащил обойму и высыпал патроны на ладонь. Их семь штук.

— Правильно, семь, — сказал Сергей, — смотри, сгоряча не просчитайся. Если они сюда полезут, — как решили: три им, четыре нам. И отыгрались вчистую...

Внимательно следивший за ними Пьер кивнул и пробормотал про себя что-то утвердительное.

Сергей, сидя рядом с Марисом, вздохнул:

— Хоть еще один бы разок напиться всласть!

За кадром вступает голос старого Лусиса:

— «... так они и остались там взаперти, окруженные со всех сторон...».

Действие возвращается на маяк. Взошла луна над туманным морем. Вспыхивает и гаснет огонь маяка, доносятся повторные гудки пробирающегося в тумане судна.

Двое ребят — Инесса и Артур — напряженно слушают. Старый Лусис перебирает пачку фотографий и продолжает:

— ...На другой день в квартире директора гимназии поселился хозяин этой грабительской конторы со своей фрау и с маленьким сынишкой. Они думали устроиться навсегда у

нас... Не знаю уж почему, но все они были великие любители сниматься на карточки. Вот, смотрите... Эта баба — жена владельца конторы. Это его сынишка, а это собака господина владельца.

Фотография, которую он показывает, заполняет весь кадр.

— «...а вон там, в уголке, на фотографию попала и девчонка — работница господина владельца. Что?.. Да, верно, шрама у нее тогда еще не было»...

Школьный двор, загроможденный штабелями досок, ящиками, молотилками и роялями. Улыбающаяся толстая женщина с двухлетним ребенком на руках. Около развешанного на веревке белья случайно попавшая в кадр деталь: Рита, стирающая в корыте белье. Неподалеку от нее на цепи сидит большой пятнистый даг и пристально недружелюбно за ней наблюдает.

Неподвижная фотография оживает. Глухо заворчала собака, и Рита заискивающе ей зашептала:

— Собаченька, славная, ты же добренькая собачка... — Громадный даг, злобно сморшив нос, заворчал еще сильнее.

Фрау Камерер подошла к Рите и сказала:

— Если у тебя пропадет хоть что-нибудь из белья, я пожалуюсь мужу, а он очень строгий. Поняла?

— Слушаю, фрау Камерер, — кивнула Рита, продолжая стирать.

— Смотри, чтобы никто близко не подхो-

дил к моему белью. Здесь никому нельзя доверять.

— Я никого не пущу, — сказала Рита. — Только тогда я возьму ключ и буду запирать белье на чердаке. Тогда все цело будет.

— Суши, где хочешь. Только помни, что у меня все записано, даже детские носочки.

Фрау Камерер вместе с мужем, разговаривая, выходят на улицу:

— Все-таки было бы лучше, если бы ты позволил мне взять взрослую прислугу, Карл.

Твердо вышагивая рядом с крупной женой, маленький Камерер строго ответил:

— Вы, женщины, склонны превыше всего заботиться о мелких повседневных удобствах. Высшая цель нашего пребывания среди завоеванных народов — воспитать из них послушных слуг нашей нации и фюрера. Ты забываешь об этом.

— Я помню об этом, Карл.

— Ты недостаточно помнишь. Эта девочка через год позабудет все, чему ее учили в школе. Через два тода она будет помнить только, что всегда была прислугой, а мы для нее всегда были господами. Такие нам и нужны. А эти?.. — он кивнул на встречных женщин, — Посмотри, какие у них злые глаза. Я не заснул бы спокойно ночью, если бы у меня в доме была такая...

— Ты всегда прав в своих рассуждениях, Карл.

— Это не мои рассуждения, — с гордостью

отозвался Карл. — Это высшие рассуждения, данные нам для руководства.

В пустую комнату Марты вошли два солдата с автоматами. Эрих очень медленно и аккуратно подметает в комнате мусор.

У солдат раздраженный, скучающий вид. Эрих насмешливо их оглядел и спросил:

— Куда это вы собрались в полном вооружении?

Солдат ответил:

— По приказанию господина фельдфебеля лазали осматривать подвал, нет ли там русских мин. Теперь приказано лезть на чердак, посмотреть нет ли там русских танков. Как тут пройти на лестницу?

— Вон в ту дверь, — усмехаясь, ответил Эрих. — Да вот возьмите, это, кажется, тот самый ключ, который вам нужен.

Солдат снял с гвоздя ключ, оставленный Мартой, и оба пошли к двери, ведущей на чердачную лестницу.

В углу чердака, прислушиваясь к тяжелым шагам солдат, поднимающихся по лестнице, стоят Пьер, Сергей и Марис. Около них лежит без сознания Айвар.

Две старые, дырявые простыни, наброшенные на веревку, закрывают их от входного люка.

— Ну, братцы, последний парад наступает, — сказал Сергей. — Прощайте, друзья!

— Прощайте, друзья, — тихо ответил Пьер. Слышно, как щелкает ключ в замке люка.

— Главное, не торопись! — шепчет Сергей Марису.

Марис кладет пистолет на локоть для упора и ждет, стоя в нескольких шагах от простыни.

Оба автоматчики неторопливо вылезли из люка на чердак.

— Ну, ты иди посмотри, — сказал старший из солдат, сам оставаясь у входа. Второй не слишком охотно, лениво двинулся вперед, споткнулся, выругался и остановился, морщась после дневного яркого света на полутемном чердаке.

Снова сделал несколько неуверенных шагов, поддал сапогом, попавшийся под ноги старый, помятый глобус и подошел к простыням, висящим на веревке.

В то же время первый солдат заметил маленький шкафчик с учебными пособиями, вынесеннымими за негодность на чердак. Он открыл дверцу и равнодушно осмотрел чучело совы, облезлого зайца, пачку старых тетрадей, перевязанных шнурочком, закупоренную стеклянную банку.

С внезапно проснувшимся интересом он взял банку и стер с нее пыль. В банке плавает ящерица...

...Силуэт солдата ясно виден на простыне, и Марис наводит на него пистолет. Солдат взялся за простыню, и в это время у него за спиной послышался звон разбитого стекла.

Он быстро обернулся к своему товарищу, копошащемуся около шкафа:

— Эй, что ты там нашел?

— Так, пустяки, — ликующим голосом ответил тот. — А ты что-нибудь нашел?

— Рваные тряпки. — А ну покажи, что там у тебя?

Выпустив из рук край простыни, он торопливо вернулся к выходу.

Первый солдат с сияющим видом держит в руках банку с отбитой крышкой:

— Я нашел ящерицу. Ты любишь ящериц?

Оба автомата низко наклонившись над банкой, нюхают и блаженно крякают. Первый двумя пальцами осторожно берет за хвост ящерицу и выбрасывает ее на землю. Оба радостно смеются.

— Фельдфебель мудрый человек, что послал нас сюда... Ты чувствуешь? Настоящий! Мирного времени!

— Еще бы. Скорей давай спрячем, пока мудрый человек не явился нам помочь!

Осторожно двигаясь со своей драгоценной ношей в руках, немцы спускаются в люк. Сышен щелк запираемого замка, потом удаляющиеся шаги по лестнице.

Марис медленно опустил пистолет и, покачав головой, вытер со лба пот.

Пьер тяжело перевел дух, улыбнулся и по-французски сказал, оглядев товарищей:

— Ну... здравствуйте, друзья!

Чердак. Опираясь друг на друга, полулежат Марис и Сергей. У них воспаленные глаза, пересохшие от жажды губы, они с трудом держатся, чтоб не впасть в полное забытье

и не слышат, как заскрипел ключ в замке чердачного люка.

Айвар без памяти. Только Пьер услышал звук ключа. С трудом он подполз, стал толкать Мариса и звать его отчаянным, громким шепотом.

— Все в порядке, все в порядке... — торопливо зашептал Сергей, протирая глаза и поднимая пистолет. Через мгновение он окончательно пришел в себя.

Сергей оперся о плечо Мариса и встал на ноги, а потом помог ему встать.

Из люка показался большой таз с бельем, затем белокурая головка девочки. Рита вышла из люка и захлопнула его за собой. Она вздрогнула, увидев направленный на нее пистолет, но вдруг с неожиданной находчивостью сделала школьный вежливый реверанс и сказала:

— С добрым утром!

Со вздохом облегчения Сергей быстро опустил пистолет.

Девочка, стараясь не глядеть на чужих людей, вытащила из-под белья бутылку молока и пакет с едой. Развернув бумагу, разложила на полу хлеб, несколько штук яиц, пакетик с маслом. Но люди к ее удивлению, жадно смотрят не на еду, а на таз, где лежит несколько штук свернутого жгутами выстиранного белья. На дне таза скопилось немного воды из плохо отжатого белья. Быстро переглянувшись с Сергеем, Марис схватил таз и с огромной осторожностью слил воду в кувшин, а потом в стакан.

Вдвоем с Сергеем они приподняли голову Айвара и осторожно поднесли стакан к его губам. Не открывая глаз, Айвар жадно сделал несколько глотков. Затем все по очереди выпили, тщательно поделив поровну всю воду.

Рита с изумлением следит за ними. Вдруг хватает свернутую в жгут простыню и изо всех сил выкручивает ее так, что вода льется в несколько струек.

Марис бросается ей помогать. С силой он выжимает жгут, и вода щедро льется в таз.

Все ожидают, воды становится все больше, ее пьют стакан за стаканом, и такое облегчение и наслаждение видно на лицах людей, что Рита начинает всхлипывать. На чистых простынях остаются следы грязных рук и, заметив их, девочка начинает смеяться и тут же плакать от жалости к этим измученным жаждой, беспомощным взрослым людям..

В то же время она машет обеими руками, повторяя:

— Ничего-ничего, я выстираю снова, пейте, пейте...

Пьер, выпив стакан, приподнялся и торжественно поцеловал ей руку:

— Все вина Франции — ничто перед этим напитком! Спасибо, моя девочка, — счастливым голосом проговорил он, почти пьяный от воды.

Вытирая глаза, уже успокаиваясь, Рита показала на Айвара:

— Ему еще надо дать, — и вдвоем с Марисом они влили ему в рот полный стакан.

Айвар вдруг заговорил очень громким голосом:

— Определенно известно: есть мне письмо, есть письмо... Дзидра... — с ожесточенной убежденностью повторяет он без конца.

— Что это он? — испуганно спросила Рита. — Дзидра?

— Своих вспоминает, все письма ждет, он без памяти сейчас.

— Если бы ему достать какое-нибудь успокоительное лекарство, а?.. — нерешительно сказал Сергей.

— Какое лекарство?

— Ну, не знаю. Он в голову ранен, и вот на него находит... еще кричать начнет, внизу могут услышать. Там солдаты?

— Да, — сказала Рита, — теперь солдаты тут кругом.

— А эта женщина, которая нам приносит сюда?..

— Никого. Никого больше нет. Я одна. Но ничего, я довольно хитрая. Вас не оставлю... Только не давайте ему громко так разговаривать...

Она подошла к Айвару, нагнулась над ним и тихо, как говорят с маленькими, проговорила:

— Ну-ну, потише, потише... Нельзя так громко, нельзя... Нехорошо так... Надо тихонько спать... — она, сначала с трудом преодолевая страх, дотрагивается до его щеки, потом начинает нежно ее поглаживать. — Спать... Спать... — Айвар несколько раз тяжело переводит дыхание, успокаиваясь, и девочка чуть

слышно начинает напевать колыбельную, наклонившись к самому его уху.

Немного погодя Айвар совсем замолк, пробормотав: «мама»...

Девочка замолчала.

Сергей горько усмехнулся:

— Хороший у тебя сынок, мама!

Проливной дождь заливает витрину маленькой аптеки. Вывеска поскрипывает от порывов морского ветра.

Пробежав последние несколько шагов, Рита поднялась на крыльце и стала отряхиваться от воды. Через витрину ей видны две женщины, покупающие что-то у вежливого аптекаря.

Дождавшись, когда они ушли, Рита вошла в аптеку. Коротко звякнул в тишине колокольчик, прикрепленный к двери. Аптека несколько мгновений пуста, затем выходит, что-то прожевывая, аптекарь:

— А, это ты? Ну что, у старика опять кончилось растирание от ревматизма?

— Да, у него совсем немножко осталось, — неуверенно улыбнулась Рита. — И он просил еще бутылочку йода.

— Что он делает с йодом? — насторожился аптекарь. — Ты берешь в третий раз. — Он внимательно посмотрел на девочку и, отвернувшись, растворил дверцу стенного шкафа. Не обрачиваясь, тихо спросил:

— И бинт тоже?

— Да, пожалуйста, видите у него...

— Ну-ну, это не мое дело, что у него там такое. Садись подожди, я сейчас приготовлю ему растирание.

— А мне можно посмотреть, как вы будете приготовлять.

— Посмотреть?.. Гм... Тебя это интересует?.. Ну заходи, смотри.

Пока аптекарь отмеривает, разглядывает на свет и смешивает разные жидкости, Рита не очень искренне мечтательно вздыхает:

— Если бы я могла учиться, мне больше всего хотелось бы уметь приготовлять лекарства, всякие порошки и настойки...

— Да?.. Маленьких детей это редко интересует.

— Я бы придумывала сама всякие новые настойки...

— Вот как? — бормочет себе под нос аптекарь, щурясь сквозь пенсне на пробирку, куда он капает, отсчитывая про себя, какую-то жидкость. — Какие же лекарства ты бы хотела придумать?

— Чтоб у людей ничего не болело. Чтоб они спокойно спали. Не разговаривали бы вон сне.

— Ну, это не такая уж новость. Люди уже кое-что придумали на этот случай. Тебе придется выдумать что-нибудь поновее.

— Вот я глупая какая, — рассмеялась девочка. — Неужели есть?

— Ты не очень похожа на глупую, — с преувеличением вниманием, занимаясь своим делом, сказал аптекарь.

— Неужели есть такие лекарства? Какие умные люди это придумали! У человека болит голова, он мучается, плачет, но вот ему дают немножко порошка — и ему сразу хорошо, он улыбается и спокойно засыпает.

— Да, они были не дураки... А отчего у человека болит голова, ты думаешь?

Рита минуту смущенно молчит, потом неуверенно пожимает плечами:

— Ну, я не знаю...

Резко звякнул дверной колокольчик. Аптекарь нервно обернулся. В дверь вошли два полицая. Здоровенные, мордастые детины, оба слегка подвыпившие.

— Чем могу служить уважаемым господам? — предупредительно спросил аптекарь, вежливо здороваясь.

— Слава богу, ничем! — развязно облокачиваясь на прилавок, ответил полицейский. Ни ваших клизмочек, ни присыпки нам пока не требуется, господин аптекарь!

Полицейские засмеялись, и аптекарь ответил им натянутой улыбкой.

— И вы молитесь богу, чтобы наши услуги вам тоже не понадобились! — Полицейский положил на прилавок несколько скрепленных вместе листков бумаги. — Вот, получайте новый список медикаментов, строго запрещенных к отпуску гражданскому населению. Распишитесь вот тут, что обязуетесь строго соблюдать.

— Неужели вы сомневаетесь, господин полицейский?..

— Сомневаться — это наша профессия, —

сказал полицай, подталкивая локтем своего товарища.

— Совершенно верно. Такое наше дело. Увидишь какую-нибудь консервную жестянку и то сомневаешься, не автомат ли это!

— Вот именно, — сказал первый. — Так что будем и дальше заниматься каждый своим делом. Вы соблюдайте и выполняйте, а мы будем к вам заглядывать и сомневаться. Привет!

Полицейские ушли. Рита и аптекарь минуту молчат и не двигаются. Потом аптекарь, встряхнувшись, продолжает машинально работать. Наконец он обращается к девочке:

— Ну вот, твое растирание готово. Его надо обязательно взбалтывать.

— Да, мы всегда взбалтываем, спасибо... —

Минуту она молчит, не решаясь сказать и боясь, что оборвется важный разговор: — Вы, кажется, спросили, отчего болит голова? Ну я не знаю, мало ли отчего? Может быть, человека ударили чем-нибудь... или ранили.

Аптекарь тоже колеблется.

— Это пустой разговор, девочка. В таких случаях надо выяснить, повреждена ли кость. Какая у него температура? Бред? Как его ударили? Все это надо знать... Вот твои покупки и еще пакетик мятных лепешек для тебя за то, что ты интересуешься моей профессией...

Рита набрала воздуху, полузакрыла глаза и прошептала:

— Очень сильно ударили.

Аптекарь громко кашлянул, открыл два ящика и, вынув оттуда несколько пакети-

ков, разложил их на прилавке. Голосом лекто-
ра начал:

— Вот эта штука годится для успокоения боли... и для сна тоже... Этую бы я дал при сильной температуре, если есть опасность сепсиса... Вот, видишь, как они выглядят... Когда ты будешь аптекарем, ты все это будешь знать не хуже меня... До свидания, кланяйся дедушке. И не забывай взбалтывать.

Порошки остаются лежать на прилавке. Рита, напряженно глядя аптекарю в глаза, с трудом проглотила слону и, заикаясь, спросила шепотом:

— Можно... это взять?

Глядя на нее непроницаемым взглядом, аптекарь непонимающе пожал плечами:

— Твои лекарства? Ты же за них заплатила. Конечно, бери. До свидания, девочка.

— Спасибо... Спасибо... — торопливо проговорила Рита, быстро пряча все в карман.

— За что спасибо? — недовольно поднял брови аптекарь. — Я тебе продал растирание и йод. А... за мятные лепешки? Пожалуйста, пожалуйста.

— Да, за лепешки. Спасибо. — Она быстро пошла к двери и уже взялась за ручку, когда аптекарь ее окликнул.

— Да!.. Вот... Насчет этого я тебе хотел сказать. Надо давать по одной таблетке. При сильных болях — две. Не чаще трех раз в сутки. Запомнишь?

Девочка кивнула и выскочила под дождь. Чердак. На веревках развшенное для про-

сушки белье. Пьер и Марис внимательно провожают глазами каждый шаг Сергея, который, морщась и прихрамывая, медленно ходит взад и вперед, разминая больную ногу.

По знаку Пьера Сергей садится с ним рядом, и тот начинает ему осторожно массировать ногу.

Глядя на них, Марис задумчиво проговорил:

— Ребята... А вдруг мы все до одного спасемся. Неужели мы когда-нибудь все это забудем? И друг друга забудем?

Пьер, понимающий общий смысл, переспросил по-французски:

— Мы?.. Позабудем все это? — Он обвел рукой чердак и, показав рукой на Сергея, потом на Мариса и лежащего Айвара, произнес по-русски. — Тебя?.. Тебя? Никогда! — и покачал головой.

Снизу донесся командный окрик, и все замолчали. В тишине послышалось тихое звяканье церковного колокола, заглушенного шумом волн и ветра.

— А, сегодня ведь воскресенье... — сказал Сергей. — Спасибо, хватит, — остановил руку Пьера.

— Воскресенье! — мечтательно произнес Пьер, откидываясь на солому и слегка улыбаясь. — Моя старушка сейчас, наверное, в церкви. И молится за нас. — Он пояснил несколькими русскими словами то, что сказал.

— За нас? — усмехнулся Сергей. — Да она про нас и не знает. За тебя, наверное.

— Нет,— горячо заговорил Пьер, приподнимаясь.— Вы ее не знаете, мою старушку. За одного меня? Нет! За всех моих товарищей. Значит, за вас.

— А она у тебя маленькая? Небольшого росточка? — мягко спросил Сергей.— Я почему-то представляю себе — маленькая и в таком чепчике... А?

— В чепчике? Нет.

— Наверное, это я на картинке какой-нибудь видел. И запомнилось: такие вот бывают французские старушки.

— Да, а я представить себе не мог русского без бороды — теперь мне самому смешно,— сказал Пьер.

— А откуда ты знаешь, как она молится? — спросил Марис.

— О,— пожал плечами Пьер.— Подслушал потихоньку. В то утро, как мне уходить на фронт...— Он улыбнулся воспоминанию.

И в этот момент снизу по радио грянул с барабанным грохотом и отрывистым солдатским пением залихватский фашистский марш.

Марис вскочил на ноги и стиснул кулаки:

— Заткнитесь, вы, там! Чего разорались! — крикнул он в бешенстве.

— Хоть бы знать, чему они там радуются? Праздник у них какой-нибудь, что ли? — сказал Сергей.

Рита с большой корзинкой возвращается с базара, куда она ходила за покупками для фрау Камерер.

В безлюдном переулке ее останавливают двое стариков. Это тот самый старый рыбак и его жена, которых мы видели в первых кадрах около памятника погибшим морякам.

Старушка двумя руками ощупала ладонь девочки:

— О-о, какие шершавые руки! — сказала она.— Значит, ты все еще стираешь... там?

— Так, так,— торопливо проговорил старик и вынул из-за пазухи пакет, протянув его Рите.— Вот, бери, тебе это пригодится!

— Что это... зачем? — удивилась и насторожилась девочка.

— Ну-ну-ну! — сердито сказал старик.— Мы рыбаки, одна семья. Нам-то друг от друга прятаться нечего. Бери!

Старушка взяла у мужа из рук пакет и сунула его в корзину Риты под лежащие сверху овощи.

— Это хорошее сало. Мой старик выменял его на лосося, которого поймал позавчера. Бери... им пригодится, а?

— Да,— сказала Рита.— Спасибо.— И, торопливо кивнув, пошла дальше.

Некоторое время спустя она прошла через охраняемые часовыми ворота бывшей школы и вошла во двор.

На чердаке заскрипел ключ в замке. Все резко обернулись. Минута напряженного ожидания. Крышка люка откинулась,— и появилась Рита с тазом белья.

Быстро поздоровавшись, она вытащила из-

под белья спрятанный там сверток с едой, бутылку молока и широкий бинт:

— Это вам Марта прислала. Помните, она к вам сюда ходила? Нужно ему перевязку чаше делать. Давайте поскорей.

— Ты хочешь сама делать?

— Да. Я теперь умею. Один раз, когда я вернулась домой, у нас сидела девушка, ждала меня. Она сказала: хочешь я тебя научу, как надо перевязывать раненых в голову? Я сказала: хочу. И она меня учила. И потом опять приходила и мне показывала. Теперь я умею.

Вместе с Марисом они разбинтовывают голову Айвара, аккуратно смывая старый, грязный бинт.

— Ему лучше? — спросила Рита.

— Не знаю. Всё письма опять спрашивал, да громко так... Пришлось дать порошков.

В этот момент слышны тяжелые шаги, поднимающиеся по лестнице. Все замолчали.

Сердитый женский голос откуда-то снизу, очень близко, спросил:

— Что ты там копаешься столько времени?

— Я снимаю белье, — торопливо сдергивая высохшие простыни с веревки, ответила Рита. — Я уже иду!

— Мальчика пора вести гулять. Ты опоздала на три минуты. Когда я тебя приучу к аккуратности!

— Иду-иду!

Снова заскрипели ступеньки: фрау Камерер спускается вниз.

Рита поспешно захлопывает крышку люка

и следует за ней. Старый бинт, снятый с Айвара, она второпях сунула в карман рабочего халата.

Снизу на чердак по-прежнему доносится залихватский марш.

— И какого черта они там радуются! — скимая кулаки, сказал Сергей.

Играет веселая музыка. Солдаты сидят и лежат одетые на своих койках, с сумрачными, застывшими лицами. На одной из коек сидит немолодой солдат Берт в шинели, около него на полу солдатский мешок. Берт только что вернулся из отпуска. Он сидит и курит. Глаза всех солдат обращены на него. Под рев радио он медленно говорит:

— ...да, Луизенштрассе до самого вокзала... и вокзал тоже... Разрушены — не то слово: их просто больше нет...

Радио перестает на минуту играть. В тишине все головы поворачиваются к открытой двери в соседнюю комнату, где, развалившись на учительской кафедре, читает журнал фельдфебель.

— Ну-у. Значит, хорошего пивка ты попил вволю, пока был в отпуске? — голосом, полным равнодушия, спросил один из солдат.

— О-о, пива? В нем можно было хоть кипаться!

Прислушивавшийся фельдфебель снова погрузился в чтение журнала, когда радио гря-

нуло следующий марш. А солдаты продолжали под его прикрытием разговор:

— А переулки вокруг ратуши... сильно пострадали? — тревожно спросил Эрих.

— Меня и близко туда не подпустили... Но население, кажется, эвакуировали в деревню, так что для твоих это, может быть, к лучшему, — ответил Берт.

Грохочет веселая песня. Мрачные лица пожилых солдат.

Во дворе слышен раздраженный голос фрау Камерер, зовущий Риту. Она торопливо отвечает ей, ставит таз с бельем на табуретку и, присев около топящейся плиты, засовывает в огонь бинты, принесенные с чердака. Едва она успевает захлопнуть заслонку, как появляется фрау Камерер со своим сыном, маленьким мальчиком, одетым для прогулки.

— Прогулка должна продолжаться ровно час — ни больше, ни меньше, — сурово напутствует фрау Камерер Риту, слегка подталкивая в плечо. — И чтоб он не общался с местными детьми, слышишь?

В дверях Риту повстречал Эрих. Погруженный в свои невеселые мысли, он все же улыбнулся и приветливо сказал:

— На прогулку? Отлично, отлично...

Он вошел в кухню с трубкой в зубах. Поискав у плиты спичек, не нашел и, наконец, махнув рукой, отворил дверцу плиты, присел перед ней на корточки, чтобы прикурить от уголька.

В глазах его появилось удивление, потом испуг: он видит не успевшие сгореть широкие,

окровавленные бинты... Захлопывает заслонку и, быстро выпрямившись, смотрит вслед Рите настороженным взглядом.

Вечер следующего дня. Рита по обыкновению стирает белье во дворе около кухни. Привязанный неподалеку пятнистый дог при каждом ее резком движении встает, угрожающе ворча, и Рита непрестанно его уговаривает ласковыми, зажигающими интонациями...

Из казармы слышна легкая музыка. Девочка собрала белье, сложила его в таз, сунула за пазуху сверток с едой, пройдя через двор, стала подниматься по лестнице.

Едва она скрылась за дверью, из-за штабеля дров вышел Эрих. Он все видел и теперь медленно идет следом за девочкой... Останавливается у лестницы и, подняв вверх голову, напряженно прислушивается...

Рита поднялась на чердак и, еле успев поиздорваться, озабоченно спросила, посмотрев на Айвара:

— Ну, как он?

— Почти не приходит в сознание, — сказал Марис. — Плохо.

— Совсем плохо? — испуганно спросила Рита. — Совсем? Совсем?

Рита оглянулась, ища подтверждения на лицах остальных.

Пьер медленно наклонил голову. Сергей сурово добавил:

— Мы уж знаем. Сегодня ему последний день... Так и не дождался своего письма.

— Неужели он опять спрашивал?.. Да откуда же письмо ему может быть? Ведь кругом фашисты...

При этих словах Айвар, сквозь забытье уловив слово «письмо», тихим, полусонным голосом быстро заговорил:

— Письмо?.. Принес письмо?..

— Рита... Это наша Рита пришла... — пофранцузски сказал Пьер.

— А-а, девчоночка... — У Айвара чуть дрогнули в слабой улыбке губы... Неужели принесла?

Рита оглянулась, ища поддержки, и замеря от испуга, неуверенно проговорила:

— Да, принесла...

Айвар взволнованно шевельнулся, и рука его поползла по шинели, которой он прикрыт:

— Дай...

На чердаке полутемно. Весенний дождь стучит по крыше, слабый свет падает через единственное полуокруглое окошечко, под которым на полу лежит Айвар.

— Вот, — вдруг проговорила девочка. Вытащила из кармана фартука приготовленную заранее свою собственную открытку, на которой нарисованы две кошечки и сунула в руку Айвара.

Его руки, как руки слепого, торопливо и жадно ощупали, погладили открытку, и слабая, сонная улыбка появилась на лице.

Рита смотрит на него, закусив губу, с испугом, почти с отчаянием.

— Письмо-о... — прошептал Айвар с счастливым детским вздохом удовлетворения.

Он поднес открытку к глазам, не замечая, что вокруг темно. И вдруг протянул ее Рите.

— Глаза... Не вижу... Читай... Ну, читай, я слышу...

Рита взяла открытку. Кошечки с бантиками расплываются у нее в глазах. На обороте открытки ничего не написано. Готовая громко расплакаться, Рита посмотрела на Мариса... Сергея...

— Читай... — нетерпеливо прошептал Айвар.

Рита осторожно заговорила, не отводя глаз от Мариса, стараясь понять по его лицу, не ошиблась ли:

— Тут плохо видно... Хотя ничего... Тут так написано: «Дорогой Айвар!.. Шлем тебе привет с родины... Ждем не дождемся, когда ты вернешься... Мы тебя помним... — Рита начала торопиться от волнения, и Айвар ее остановил:

— Погоди... Не сразу... Я понемногу... подумаю... с родины?.. Ну, да... Музыка, слабо доносящаяся снизу, замирает, и только шум дождя слышится непрестанно. — У нас дома... — мечтательно шепчет Айвар, глаза его медленно закрываются, и на минуту мы видим то, что представляет он себе в эту минуту...

Окно чердака, на которое смотрит Айвар, заливает дождь. В медленном наплыве оно постепенно расплывается. Возникает пейзаж, видимый не совсем ясно, точно через слегка затуманенное стекло. Нeyerко светит солнце

сквозь косой дождик. Редкая березовая роща над озером с песчаными берегами. Айвар спускается с холма. Видно его лицо, взволнованное и радостное.

Он проходит среди мокрых берез, ветки хлещут его, и брызги остаются на лице.

Большая деревенская собака налетает на него, радостно ласкается, Айвар гладит ее на ходу. Глаза его устремлены куда-то в даль...

Вот маленький домик над озером. Около калитки столпились овцы, ягнята ласково трутся лбами о его колени. Айвар отстраняет их, чтобы войти в калитку.

Он уже подходит к залитому дождем окошку домика и тихонько стучит. За мутным стеклом возникает лицо девушки. Она беззвучно вскрикивает... Стекло все сильнее туманится и медленным наплывом превращается в залитое дождем стекло чердачного окна.

Айвар тихо шепчет:

— Дзи́дра!..

Видно, что теперь он в полном сознании, а Рита, не замечая этого, продолжает, запинаясь, «читать»:

«...отец твой Мартин, и твоя любящая жена...» — Рита покосилась на Мариса, и тот ободряюще кивнул. «Дзи́дра...».

Девочка в изнеможении опускает руку с открыткой.

Айвар тихо лежит, погруженный в воспоминания. Очень тихо произносит:

— Спасибо. Хорошее письмо. Как будто

дома побывал... Только Дзи́дра мне не жена. Невеста. Да ты ведь не знала, это ничего. А так совсем, как настоящее. Все правда: ждут ведь меня...

Дождик утих, и за окном чуть посветлело. Все молчат, прислушиваясь к затихающему голосу Айвара:

— Звезда... — тихо, но внятно проговорил он, глядя вверх, в чердачное окошечко. — И она на нее смотрит. Звезды у всех людей одни... И сколько сейчас людей на них смотрят... всяких наций... и ждут мира... желанного... — и вдруг обрадованно заговорил: — Еще звезда!.. Две звезды вижу! — и замолчал.

Марис наклонился над ним, очень тихо сказал:

— Все, — и закрыл ему лицо полой шинели.

— Не надо плакать, маленькая, — ласково сказал Пьер, поглаживая Риту по голове.

Умер солдат. Он храбро сражался.

— Да-а... — всхлипнула девочка. — А почему такой хороший человек должен... вот. Он такой был хороший!..

— Да, он был хороший, — сказал Пьер. — И первым из нас пошел под пули фашистов, когда мы еще не решались вырваться из трюма... Я думаю, он не обидится на меня за то, что я хочу сделать. Нет.

— А что ты хочешь? — устало спросил Сергей.

— То, что делают у меня на родине, когда умирают близкие.

Сквозь звуки веселой музыки и шелест

дождя слышится тихий голос Пьера, слегка нараспев читающий молитву...

Медленно спустившись с лестницы, Рита с заплаканными глазами выходит во двор. Как будто ненароком, навстречу ей попадается Эрих. Он подозрительно оглядел пустой таз, внимательно посмотрел девочке в глаза и нахмурился, заметив слезы...

Крикливый голос фрау Камерер позвал Риту:

— Рита!.. Ты не видишь, что ли? Дождь прошел. Мальчику нужно перед сном погулять тридцать минут!

— Иду-иду!..

И вот Рита, держа за руку маленького мальчика, выходит на улицу. Мальчик, пока его видят из окна мать, идет чинно и неторопливо, но, как только они, пройдя улицу, выходят на дюны, начинает весело болтать и ласкаться к Рите.

Так они добираются до рыбачьего домика Лусисов, на берегу моря.

Маленькая Инесса встречает мальчика как старого приятеля. Они тотчас усаживаются на песке и начинают играть.

В домике ждут Риту. Старый Лусис, рыбак Оскар и молодой, крепкий парень — шофер.

Когда Рита вошла, все обернулись к ней с немым вопросом, но ничего не спросили. Она присела к столу и устало опустила голову на руки.

Оскар положил на стол листок бумаги. Это

набросок плана школы и окружающего ее участка.

— Ну, девочка, соберись с духом, нам важно знать все подробности. Следи за мной... — Он повел карандашом по плану. — Ящики сложены вот до сих пор. Так? И здесь часовой. А окна казармы выходят все вот на эту сторону. Правильно?

— Да, — сказала Рита. — Вот если стать здесь, из окон уже не видно.

— Понимаю, — сказал шофер.

— А тут привязана собака. Она громадная и злая, как сатана.

— Остальное мы уже знаем, — сказал Оскар и, слегка замявшись, спросил. — А как этот наш... раненый?

Рита, борясь с собой, медленно наклонила голову, машинально разглаживая лежащую перед ней открытку с кошечками.

Мы видим открытку очень крупно в тот момент, когда на нее падает слезинка. Затем открытка видна во весь экран, и после наплыва мы видим ее, какой она стала через десяток лет, с помятыми углами, с несколькими пятнами от слез, от которых расплылась кошачья мордочка.

За кадром слышен голос Лусиса. Действие возвращается на маяк.

Инесса с Артуром рассматривают «постаревшую» открытку, вытащенную из коробки с фотографиями.

Лусис говорит: «...да-да, это и есть та самая открытка. Вот почему я этих котят храню вместе со старыми фотографиями... В тот день, когда Рита пришла домой и рассказала, как умер солдат Айвар, мы еще не подозревали, что ее уже выследили. Но мы понимали, что долго так продолжаться не может, и пытались хоть что-нибудь предпринять»...

Мимо часового, открывшего ворота, в школьный двор въезжает грузовик с ящиками для склада Камерера. За рулем тот самый шофер, что разговаривал с Ритой в домике Лусиса.

Грузовик заехал за угол здания школы, и здесь его начали разгружать. Шофер неспеша вышел из кабины и равнодушно осмотрелся вокруг.

Невдалеке быстро прошла Рита. Сделала шоферу знак глазами.

Тогда шофер неторопливым шагом прогуливающегося человека зашел за штабель ящиков и, поспешно оглянувшись, сбросил с себя куртку, шоферскую фуражку с лакированным козырьком. Свернул все это в тугой комок и сунул между ящиков.

Затем вернулся к машине, открыл капот и, низко нагнувшись, стал копаться в моторе.

Через минуту Рита вытащила свернутую куртку и поспешно накрыла ее сверху несколькими штуками белья... Она не заметила Эриха, появившегося во дворе. Прошла к двери, ведущей на чердак, и скрылась за ней.

— Так... — задумчиво проговорил Эрих, провожая девочку взглядом. — Тут и сомневаться больше не приходится. (Дальше он уже не говорит, мы только «слышим» его мысли.)

«Она, наверное, понесла что-то съестное и опять бинты... Там, на чердаке, прячется какой-то раненый. Может быть, ее отец. Или брат?.. Очень возможно. Стоит мне крикнуть — и его вытащат оттуда. Раз он прятается, он преступник... Тьфу, старый ты болван, Эрих! Как будто надо быть преступником, чтоб тебя бросили в концлагерь...»

И вот теперь я должен идти и донести на эту девчушку! Славную, храбрую девчушку, которая пытается спасти своего брата или отца... Будь проклята эта жизнь! Будь оно все проклято. Я отвернусь. Я ничего решительно не видел. Я умываю руки...».

В то же самое время другой солдат, земляк Эриха, повидавший во время отпуска свой родной город, разгромленный бомбкой, — Берт — случайно тоже проследил Риту. Насторожившись, он проводил ее глазами и медленно проговорил:

— Вот оно что!..

Дальше мы слышим:

«...Она поднимается наверх. Туда никто кроме нее никогда не ходит... И она спрятала что-то под бельем... Странные глаза у этой девочки. Всегда напряженные, точно она идет по тонкому льду и боится оступиться... Да... да... да... Девочка скрывает там кого-то, кто предпочитает умереть на чердаке, только бы не попасться к нам в руки...»

В первые дни войны я не задумался бы над этим... Но, когда вспоминаешь всех убитых и раненых, кого видел... и наших и ихних... И эти рухнувшие кварталы вокруг ратуши, где я родился...

Разве это мысли германского солдата?.. Еще год назад они не пришли бы мне в голову. Когда беда приходит в твой собственный дом, только тогда начинаешь понимать чужое горе... Тут ничего не поделаешь... О чем я думаю? Я ничего не видел. Ничего не знаю. Вот я закуриваю и ухожу со спокойным, задумчивым выражением на лице...».

Он закурил сигарету и медленно вышел из-за штабеля досок, где сидел долгое время, заложив руки за голову, и, задумавшись, поглядывал то на небо, то на происходящее во дворе...

И тут оба солдата, встретившись, резко остановились, почти столкнувшись друг с другом. Оба изумлены и испуганы неожиданной встречей:

— Что ты тут делал? — нервно воскликнул Эрих.

— Странный вопрос. А ты что? Там за досками прятался?

«Он, кажется, тоже все видел», — тревожно подумал Эрих и, преувеличенно равнодушно пожав плечами, сказал:

— Прятался? А чего бы мне прятаться?

«Притворяется, хочет меня поймать. Чего он хитрит?» — подумал Берт и вслух проговорил:

— Может быть, подсмотрел что-нибудь интересное?

«Ясно, он все видел. Теперь он проверяет меня. Пойдет и донесет и на нее и на меня, сволочь», — подумал Эрих и вслух сказал:

— Видел? Не больше чем ты, дружище! Чудное дело, верно?

«Ага, заговорил! Расставил ловушку и притворяется. Минута — и я попался бы. Подал бы на меня рапорт — и конец», — подумал Берт и вслух сказал:

— Да, подозрительное дело... Здорово получилось: мы с тобой, оказывается, выследили ее одновременно.

«Ну, девочка теперь пропала, и тот, на чердаке, тоже. Надо же этому черту было сюда сунуться. Шпионил он за мной, что ли?» — подумал Эрих и сказал:

— Нужно ли поднимать шум? Может быть, это какое-нибудь ребячество? Девочка балуется? Как ты думаешь?

«Опять ловит, хочет меня проверить. На дурака напал», — со страхом подумал Берт и сказал:

— Ну-ну, не притворяйся таким наивным, старый Эрих! Она потащила туда еду. Там прячется кто-то!

«Все выследил. Теперь ничего не поможет, нечего колебаться», — подумал Эрих и сказал:

— Я думаю, там укрывается какой-нибудь раненый... негодяй!

«Сам ты негодяй, свинья этакая. Какой-нибудь несчастный раненый беглец или отставший солдат. Но теперь надо не дать себя за-

путать в это дело. Даже тень подозрения опасна», — подумал Берт и вслух сказал:

— Так что же думать? Идем прямо к фельдфебелю. Надо все доложить!

«И он еще радуется, кажется. И с этой скотиной я дружил», — подумал Эрих и бодро сказал:

— Тут и думать нечего. Это наш долг. Пошли!

С решительным видом, шагая рядом, в ногу, как в строю, они двинулись через двор.

— Не слишком большое удовольствие лишний раз иметь дело с фельдфебелем, — сказал на ходу Берт. — И так он, едва меня завидит, начинает разговоры о том, как должен себя вести истинный сын великого германского народа. Это за то, что я рассказал вам кое-что про свой отпуск! — он ожесточенно плюнул и тут же невольно подумал:

«Да стоит ли с ним откровенничать?» — и бодро добавил:

— А ведь ты с этой девочкой как будто дружил. Конфетки ей дарил. Ты молодец. Наверное, давно задумал у нее кое-что выведать?

Эрих побагровел и быстро сделал странное движение рукой:

— Я... выведать?.. Ты что, по себе, что ли, судишь?

«Ого, он, кажется, даст мне сейчас в морду! Весь побагровел. Не притворяется?.. Нет, не притворяется, нет, нет!» — подумал Берт и сказал:

— Ну, не злись уж так, старина. Мало ли

какие мысли приходят в голову иной раз. Извини.

«Помогут девчонке твои извинения, скотина», — подумал Эрих и сказал:

— У тебя обо мне, наверное, таких мыслей не было, когда я тебя, раненого, тащил по болоту из-под Смоленска.

«Ух, это болото... Вспомнить страшно... И он меня нес на спине, это верно. Вообще он был надежным парнем, этот Эрих», — подумал Берт и сказал:

— Да и ты обо мне тогда, пожалуй, тоже не так плохо думал. Иначе бросил бы, пожалуй, и ушел один налегке, а?

«А вдруг он так же боится меня, как я его? Может быть, стоит мне остановиться и он тоже не пойдет доносить?» — подумал Эрих и произнес вслух:

— Неужели мы так изменились, Берт?

«Может быть, мы остались теми же. Так что же мы делаем? Что мы делаем? Еще двадцать шагов, мы войдем в дверь и будет поздно. Мы уже не посмеем не заговорить», — подумал Берт и сказал:

— Я-то не изменился, а кто сейчас может ручаться за другого?

«Надо остановиться, надо остановиться, почему я не могу остановиться. Неужели у меня не хватит сил?» — подумал Эрих и вдруг, почти застонав от усилия, остановился одновременно с Бертом.

— Что же мы стали? — испуганно спросил Берт и подумал:

«Господи, да ведь он сам остановился, это не я его остановил», — и сказал:

— Эрих!.. Что они с нами делают? Во что они нас превратили?

«Он мои мысли читает, ведь я то же самое думал в эту минуту», — подумал Эрих.

— Берт, фельдфебель все-таки прав: мы сыновья великого германского народа, честного и мужественного, и вот мы стоим один против другого, и нам стыдно поглядеть друг другу в глаза!

«Он говорит искренно, нет, не притворяется. У него слезы на глазах. И глаза такие несчастные и добрые», — подумал Берт и быстро проговорил:

— Да, потому что минуту назад мы считали друг друга бессовестными доносчиками.

— Я тебя теперь точно другими глазами увидел. Здравствуй, Берт! Я тебя узнал, ты тот же парень, каким был до того, как на тебя надели фашистский мундир.

— Здравствуй, Эрих! Давно мы не виделись и не говорили как люди.

К этому моменту они уже прошли весь двор, поднялись по лесенке крыльца и вошли в класс, где стоят теперь солдатские койки.

Навстречу им вышел фельдфебель и пристально уставился на обоих солдат, которые стоят посреди комнаты и разговаривают.

— О чём вы тут болтаете, а? — резко спросил фельдфебель.

С непроницаемым лицом Берт четко рапортует:

— Вспоминали молодость, с вашего разрешения, господин фельдфебель!

Фельдфебель повернулся к Эриху и, испытующе всматриваясь в его лицо, коротко буркнул:

— Да?

— Так точно, вспоминали молодость! — не только четко, но даже искренно отрапортовал Эрих.

Шофер все еще копается под капотом своего грузовика. Вот скрипнула дверь, ведущая на чердак. Вышла Рита и огляделась. Уловив ее знак, шофер быстро захлопнул крышку капота и скрылся за штабелями ящиков.

Будто спокойно прохаживаясь, он добрался до высокого забора, выходящего в переулок. Посышалось громкое рычанье и лай дога. Шофер встал на ящик, подпрыгнул, схватился руками за край забора и мгновенно перемахнул через него.

Он спрыгнул прямо за спиной у двух женщин, которые проходили мимо, громко разговаривая. Услышав шум у себя за спиной, они обернулись и вскрикнули.

Шофер равнодушно пожал плечами и неторопливо завернулся за угол.

В это время следом за Ритой вышел во двор Сергей в куртке и фуражке шо夫ера и сразу же нырнул в кабину грузовика...

Волнуясь, он огляделся, попробовал, отпущен ли ручной тормоз, включил скорость и плавно тронул машину с места.

Проехав благополучно через весь двор, машина, все ускоряя ход, направилась к воротам и резко затормозила. Ворота заперты. Часовой поднимает руку, давая знак остановиться.

С напряженным, застывшим лицом сидит Сергей в кабине.

Подошел часовой, распахнул дверцу и посмотрел, нет ли в кабине лишнего человека. Захлопнув дверцу, равнодушно отошел и, вернувшись к воротам, начал отодвигать засов. Засов уже отодвинут, но ворота еще закрыты, когда часовой оборачивается, услышав чей-то крик.

Солдат с автоматом быстро идет по двору к воротам.

Сергей покосился на приближающегося автоматчика. Мы ясно видим, что он решился попробовать прорваться через ворота. Он включает скорость, дает сильный газ. Вот-вот машина рванется и вышибет ворота.

Автоматчик подошел к часовому, который все еще держит руку на засове. Они заговорили о чем-то... засмеялись. Продолжая разговаривать, часовой толкнул плечом ворота.

Машина Сергея проехала мимо часового и рванулась вперед.

Рита в изнеможении опустилась на ступеньку крыльца, глядя вслед машине.

Сергей быстро ведет машину по узеньким улицам городка.

Не зная дороги, он напряженно и неуверенно вглядывается вперед. Вот дорогу ему пересекает старик и делает движение трубкой,

которую он держит в руке, показывая, где надо сворачивать.

Сергей делает крутой поворот и тормозит: дорогу ему перекрыла военная колонна. Медленно проходит пехота. Тягач тащит подбитый танк. Ползут грязные фронтовые грузовики отступающей армии.

Наконец дорога свободна, машина Сергея снова мчится по улице. На перекрестке стоит человек в высоких рыбачьих сапогах. Он делает Сергею знак: еще раз повернуть.

Машина сворачивает и останавливается в тупике.

Пожилая женщина выходит из калитки садика и делает приглашающий жест.

Сергей выскакивает из кабинки. Входит в садик. Здесь он устало опускается на скамейку. У него перед глазами трава и цветы. Он срывает ромашку, нюхает ее, прижимая к лицу.

Подошли Оскар и старый Лусис.

— Здравствуй, Сергей,— сказал Лусис.

— О?.. Знаешь? — протягивая ему руку, спросил Сергей.

— Всех знаем,— ответил Оскар.

— Братцы, а ведь там еще двое наших осталось, надо их выручать.

— У нас уже кое-что подготовлено, не бойся. Приходится спешить. Перед отступлением фашисты обязательно начнут повальные обыски.

— А наши... близко?.. — с загоревшимися глазами жадно спросил Сергей.

— Да, теперь недолго ждать...

В это время в садик вбегает шофер. На ходу он торопливо восклицает:

— Давай скорей мою куртку и фуражку!.. Здорово это ты на полной скорости рванул через весь город! Я так и думал, ты в какой-нибудь столб врежешься. А ты, оказывается, шофер!

— Вроде того: танкист! — усмехнулся Сергей. Он мечтательно понюхал ромашку и с силой сказал.— Теперь бы мне еще автомат в руки — и, кажется, я стану самым счастливым человеком на свете!

Во дворе школы спешно грузят на машины награбленное имущество склада Камерера: распиленный пополам бронзовый памятник, старинные витражи с инвентарными номерками, фисгармонии, холодильники. Одна за другой выезжают со двора машины.

На две другие машины укладывают личное имущество Камереров: чемоданы-кофры, мебель, ковры, ящики с хрусталем.

Фрау Камерер руководит погрузкой. Отупевшая от усталости Рита покорно помогает солдатам. Своему маленькому сынишке фрау Камерер устроила на ковре среди ящиков мягкое углубление и заранее его туда усадила.

Мальчик от долгого сидения соскучился и, как котенок из корзинки, пытается выкарабкаться и перелезть на ящики, сложенные штабелями вровень с бортом грузовика.

Фрау Камерер ловит его и, наградив уве-

систым шлепком, водворяет на старое место. Он сидит там с надутым, обиженным видом.

Фашистская военная машина с солдатами фейеркоманды перевалила через дюну и помчалась вдоль берега моря.

Бот она остановилась около домика Лусица. Долговязый солдат с бензиновой канистрой в руках слез на землю и громко чихнул. Страдальчески моргая слезящимися глазами, сказал:

— Это не человеческий! Это какой-то собачий насморк!

С канистрой в руках он подошел к крыльцу, снял висящее на стене ведро и начал переливать в него бензин из канистры.

Другой в это время открыл дверь в дом и громко крикнул:

— Эй, есть кто-нибудь?

Ему никто не ответил.

Тогда он вернулся к машине и принес с собой палку с паклей на одном конце. Обмакнув ее в бензин и, дав ей намокнуть, тщательно стряхнул с нее капли.

Первый солдат поднял ведро и взошел на крыльцо. Машинально аккуратно вытер ноги о половничок перед дверьми, вошел в дом и громко чихнул два раза подряд.

— Где я мог подцепить такой насморк?.. — озабоченно воскликнул он, сморкаясь.— Это ведь не человеческий...

Не договорив, остановился, прислушался. Чей-то тихий смешок заставил его обернуться.

Он видит маленькую Инессу, которая выглядывает из-за спинки кровати.

Он досадливо морщится, берет девочку за руку и быстро выталкивает за дверь. Второй гонит ее прочь подальше от дома.

Солдат аккуратно поливает бензином кровать и комнату, затем выходит во двор и, повесив на прежнее место хозяйствское ведро, возвращается к машине, даже не оглянувшись на товарища, который зажег факел и бросил его в раскрытую дверь дома.

Долговязый солдат уже занес ногу, чтобы залезть обратно в машину, но тут лицо его исказилось, и он застыл с полуоткрытым ртом, содираясь чихнуть. Однако на этот раз обошлось без чихания. Переведя дух, солдат озабоченно покачал головой:

— Ну где я мог?.. Ведь это же какой-то слоновый насморк...

Машина тронулась и, проехав немного, остановилась перед следующим домом. Видно, как снова слезает солдат с канистрой и другой с факелом...

Домик Лусиса с тростниковой крышей пылает. На берегу спокойного моря, среди хилых кустиков дюн, сидит маленькая Инесса и, поеживаясь от страха, смотрит на пожар.

Погрузка на складе Камерера заканчивается.

Улучив удобную минуту, Рита подошла к мальчику, сидящему в машине и, став на ящик, протянула к нему руки:

— Прощай, мы больше не увидимся,— и поцеловала его несколько раз в щеку.

Лицо у мальчика скривилось:

— Не хочу-у!.. Я хочу идти гулять на море... С Инессой!..

В ту же минуту подбежала фрау Камерер и схватила Риту за руку:

— А, вот ты где? Что ты тут делаешь? Хочешь что-нибудь стащить? Нет, милая, я тебя не отпущу до тех пор, пока не пересчитываю все свои вещи до единой!

Рита вдруг тихонько ахнула и машинально схватилась за ключ, висящий у нее на груди.

Фельдфебель, толкнувшись в дверь, ведущую на чердак, убедился, что она заперта. Он подозвал солдата. Тот короткой очередью из автомата разбивает замок.

Вот они подняли люк и один за другим входят на чердак. Здесь по-прежнему висят две рваные простыни, закрывая один из углов.

— Эй, тут кто-нибудь есть? — гаркнул фельдфебель.

Простыня слегка колыхнулась от ветра, и фельдфебель пустил туда длинную очередь из автомата.

Рита слышит выстрелы. Глаза ее не отрываются от круглого окошечка чердака, она не обращает внимания на крики и пинки мадам Камерер.

Окошечко со звоном вылетает вместе с рамой от удара изнутри. Высовывается фельдфебель и кричит во двор:

— Тут кто-то прятался! Совсем недавно! А сейчас никого нет, только один мертвый остался!

Несказанное облегчение на лице Риты.

Фрау Камерер вне себя рвет с шеи Риты ключ и тащит ее к мужу, который распоряжается погрузкой военных машин.

— Ключ был все время у нее, а она пустила туда воров! Она там сушила мои простыни голландского полотна, а там прятались воры! Мне теперь даже некогда все пересчитать!

— Молчи! — обрывает Камерер.— Дело посерьезней. Она прятала там партизан!

Тяжелый гул прокатывается в воздухе.

Шофер-солдат высовывается из кабинки и ожесточенно кричит:

— Эй, господин управляющий! У меня приказ забрать ваши вещи и быстрее уехать, а не стоять три часа, дожидаясь русских танков!

Фрау Камерер по знаку мужа подбежала к машине с вещами, заглянула, чтобы проверить, на месте ли сын, и влезла в кабину, рядом с солдатом.

Во двор въехала машина фейеркоманды. Солдаты с канистрами и факелами соскочили на землю.

— Карл! — зовет мужа фрау Камерер, высовываясь из кабинки.— Скорее!

— Сейчас! Сейчас!.. — Камерер ожесточенно дергает, стараясь вытащить из кармана зацепившийся за подкладку пистолет.

В нескольких шагах от него стоит совсем растерянная Рита.

Солдаты в походном снаряжении проходят мимо, готовясь садиться в машины. Эрих останавливается и быстро говорит Рите:

— Беги!.. Беги скорей!..

Тогда, наконец сообразив, Рита поворачивается и быстро входит в дом. Камереру удалось вытащить пистолет, и он бросается за ней следом, пробегает по комнатам и выбегает из другой двери во двор. Здесь он останавливается и стреляет. Девочка, покачнувшись, схватилась за голову, упала за ящики. Поднялась на ноги и, пошатываясь, побежала.

Громадный пятнистый док Камерера воет и рвется на поводке.

Камерер слышит рев мотора готовой тронуться машины. Испуганно оборачивается. Вытаскивает нож и одним ударом обрубает ременный поводок, которым привязан док.

Исступленно кричит:

— Взять!.. Ату! Взять!

Громадными прыжками док бросается следом за девочкой, а Камерер бежит к грузовику.

Солдаты фейеркоманды поливают бензином склад, выбивают стекла в школе и бросают туда горящие факелы.

Мальчик снова высунулся из своего укрытия на дне грузовика, увидел отсветы пожара и вдруг, разом решившись, выполз на ящики и забился в щель.

Камерер подбежал к машине, крикнул:

— Где мальчик?

Фрау Камерер высунулась и крикнула:

— Артур, ты тут?

Мальчик, сидя на ящиках, усмехнулся, ему нравится, как он ловко спрятался. Пискнул в ответ:

— Ку-ку! Я тут!

Машина рванулась с места и умчалась.

Рита бежит, задыхаясь и плача, придерживая рукой глубоко оцарапанную пулей щеку и, наконец, споткнувшись, падает, и тут же на нее налетает громадный пятнистый пес, толкает ее носом в плечо и, радостно повизгивая, начинает ласкаться... Они давно уже стали друзьями...

Несколько автомашин, в том числе машина Камереров, в общем потоке отступления.

На перекрестке двух дорог стоит застава полевой жандармерии.

Регулировщик-жандарм остановил движение.

Напрасно кричит офицер из машины, требуя, чтобы его пропустили. Ответ один:

— Нельзя! Русские танки!

Машины начинают сворачивать в объезд. Подъезжает машина Камереров.

Слышится приближающийся свист, удар — и все закрывает дым взрыва.

А в это время маленький сынишка Камерера неуверенными шажками пробирается домой.

Хотя школа горит, квартира Камерера еще не тронута. Мальчик забирается к себе на по-

стельку, постепенно успокаивается и начинает развлекаться, катая игрушечный автомобиль по подушке и изредка подражая то звуку гудка, то далеким пушечным выстрелам, которые его николько не пугают...

На одной из улиц городка из разбитого углового окошка прерывистыми очередями стреляет фашистский пулемет.

В дыму, прижимаясь к стене, по улице пробираются несколько советских пехотинцев.

Дошли до угла. Увидели, откуда ведет огонь пулемет. Минуту постояли, выжидая конца очереди. Затем сразу двое бросились через открытое пространство. Ствол пулемета быстро повернулся в их сторону. Но в этот самый момент один из солдат бросил в окно на бегу гранату. Граната взорвалась в комнате, и еще не улегся дым, как оба солдата через окно ворвались внутрь...

Вот они вылезли через то же окно, обратно и, вытирая со лба пот, пошли дальше, по прежнему прижимаясь к стене...

Крыльцо квартиры Камерера в огне. Солдаты, подошедшие к школе, с разбегу вбежали сквозь дым внутрь, держа автоматы наготове, настороженно осматриваясь и прислушиваясь.

Из соседней комнаты доносится невнятная, оживленная болтовня ребенка.

Недоверчиво прислушиваясь, солдат вошел в комнату. На маленькой постельке, среди ви-

тиеватых готических изречений, вышитых на покрывальцах вместе с гномами и ангелочками, сидит маленький мальчиконка и что-то болтает, катая по подушке автомобильчик.

Он равнодушно поглядел на солдата и чихнул от дыма, который уже начинает просачиваться в детскую.

Разгоряченное боем лицо солдата медленно меняет свое сосредоточенное выражение, и наконец он задумчиво ухмыляется:

— Что, фрыцк? Бросили тебя все твои хвюреры? А?.. А тебе, я вижу, и горя мало?

Из другой комнаты другой солдат удивленно окликнул:

— Омельченко! Ты с кем это там разговариваешь?

— Вон, гляди, высшая раса сидит,— усмехнулся Омельченко и потрогал толстым пальцем крошечный пальчик на ноге мальчика. Тот брыкнул ногой, отталкивая его.

— Во двор мальчишку надо, вишь, дым какой! — озабоченно сказал второй солдат.— А что ты думаешь? Подобные пацанчики и есть самая высшая раса на свете. За них и воюем... Да поаккуратней ты его бери своими лапищами медвежачьими. Помнешь!

— Помнешь!.. — бережно поднимая мальчика, сказал Омельченко.— Своих пятерых не бось не помял!

С ребенком на руках они выходят на улицу и слышат лай добра, который подзывает людей к Рите.

Солдаты подняли Риту, обтерли ей кровь со щеки. Мальчик сразу успокоился и обрадовался, узнав свою няньку.

На улицах города начали рваться снаряды. Омельченко озабоченно сказал:

— Вот что, ребятки, вы бегите скорей, прячьтесь в какой-нибудь подвал и не вылезайте оттуда, пока все не кончится...

Рита с маленьким Артуром бегут по переулку к дюнам. Выбежав на возвышенность, они видят еще слегка дымящиеся развалины сгоревшего домика Лусиса.

Минуту Рита стоит, ошеломленная. Вдруг в кустах неподалеку слышится радостный писк.

Подбегает маленькая Инесса. Артур бросается к ней навстречу, они хватаются за руки и уже собираются приняться за игру, когда на берегу моря разрывается снаряд.

Рита поспешило берет детей за руки и выводит.

Они снова в переулке, среди грохота взрывов и отсветов горящих домов.

Рита тащит ребятишек по каменной лестнице в подвал дома.

И вот трое детей сидят, прижавшись друг к другу, в подвале, со страхом прислушиваясь к шуму боя на улицах городка.

Ночь. Единственное окошечко, находящееся на уровне земли, то и дело освещается

вспышками взрывов. С потолка от сотрясения сыпется мелкая пыль...

Голодные, испуганные малыши наконец засыпают. Потом просыпаются, позабыв, где они и что с ними:

— Что, война еще не кончилась, Рита? — спросила Инесса, сонно моргая глазами.

— Нет, поспи еще... Скоро кончится.

— И тогда мы пойдем к дедушке?

— Спи-спи... Пойдем к дедушке. И увидим в лесу белку. И будем купаться в море...

— И сварим большую кастрюлю гороху, да? — шепчет девочка.

Они разговаривают, по улице мимо дома с грохотом проносятся танки. Малыши каждый раз закрывают глаза и затыкают уши, дожинаясь, пока промчатся тяжелые машины.

Утро. За окошком виден свет солнца. Тишина. И вдруг издали доносятся необыкновенно спокойные ленивые звуки гармоники, наигрывающей русский деревенский напев...

Солдаты на улице удивленно останавливаются, увидев, как один за другим выбираются из подвала трое детей, испачканные, с соломой в волосах, бледные и осунувшиеся: двое совсем маленьких и девочка лет двенадцати.

С состраданием оглядев ребят, один из солдат вздохнул и сказал:

— Все понятно и спрашивать нечего. Вон, на площади дымок. Это кухня, походная, видите? Прямо туда и идите...

Дети перешли через площадь, где стоит

солдатская кухня. Человек десять бойцов с котелками дожидаются своей очереди получить завтрак. Дети молча подошли и стали в очередь за громадным солдатом в плащ-палатке.

Вдруг бойцы один за другим стали обрачиваться, и очередь распалась. Слишком уж необычен и жалок вид этих терпеливо ожидающих маленьких чумазых ребятишек...

Их поднимают на руки, подносят к кухне, накладывают кашу в котелки, усаживают на колени. Дети начинают есть, окруженные солдатами, следящими за ними с молчаливой супровой и скорбной нежностью...

Отправив в рот большую ложку каши, Инесса тяжело перевела дух, улыбнулась и спросила что-то у сестры.

— Что она сказала? А? — живо заинтересовался высокий боец в плащ-палатке.

Стоящий рядом боец-латыш усмехнулся:

— Она спрашивает: война уже кончилась?

Солдаты переглянулись, и один, погладив Инессу по голове, успокоительно сказал:

— Кончилась, кончилась... для вас уже кончилась!

Другой участливо спросил:

— А родные какие-нибудь у вас имеются, ребятишки?

— Дедушка, — сказала Рита. — Только мы не знаем...

— Постой-ка! — вмешался третий. — Тут какой-то старик ходил, все про девочек спрашивал, не ваш ли? — Он сложил ладони рупором и крикнул: — Товарищи, кто видел, куда старик пошел, что ребят разыскивал?

Другой подхватил крик, еще один отвёг — и так вопрос от одного к другому прокатился через всю площадь. Наконец из-за угла какого-то обвалившегося дома ответили:

— Старик ту-ут!.. Чего надо?

— Ребята у нас!

Появляется дед Лусис. Он бежит через площадь.

Рита и Инесса бросаются к нему на встречу.

— Так и есть, значит, те самые,— удовлетворенно замечает солдат.

Инесса тянет за собой Артура, и так, вдвоем, они попадают в объятия деда.

Он поднимает Инессу на руки, а Артур сам упорно карабкается следом за ней.

— Так это, значит, тоже ваш? — спросил солдат.

Лусис посмотрел на Артура, который уже сидит у него на руке, и усмехнувшись кивнул:

— Видно, теперь будет тоже наш!

Подбегает Пьер. Рита радостно улыбнулась и пошла к нему навстречу. С восторженным восклицанием Пьер нагнулся к ней, поцеловал в одну щеку и повернулся, чтобы поцеловать в другую, как вдруг, увидев глубокий след от пули, оцарапавшей щеку, застонал, точно от боли.

— Фашист?.. Это фашисты сделали?

Пьер произносит длинное французское ругательство, потрясая в воздухе скатыми кулаками, но сейчас же, спохватившись, восклицает:

— Идем, идем скорее, а то они уедут! Бежим,— и тащит за руку Риту.

Они вдвоем побегают к колонне готовых к отправлению советских военных машин.

Сергей в солдатской форме с автоматом на груди стоит рядом с Марисом.

Еще издали Пьер кричит:

— Смотрите, она все-таки жива, наша маленькая!

Пока Сергей и Марис радостно целуют Риту, Пьер торжественно и весело воскликивает:

— Ну, Сергей, попробуй теперь сказать, что моя старушка плохо молилась за нас и за нее!

— Ну-ну!.. — улыбаясь, говорит Марис, — танкисты тоже немножко помогли!

Пьер счастливо засмеялся:

— Танкисты? Не беспокойтесь, она молилась и за танкистов тоже!

Он снова целует Риту и кричит:

— Но мы не можем так расстаться! Идите сюда!

Они стоят как раз около витрины маленькой фотографии, закрытой глухими ставнями. Впрочем, попасть внутрь не так уж трудно, так как угол дома отбит снарядом и все маленькое ателье сейчас почти на улице.

На стук и крики со второго этажа спускается маленький человечек в очках иочных туфлях.

— Господа,— укоризненно говорит он.— Разве сейчас время для фотографий? У меня трясутся руки. Я могу спутать проявитель с

диафрагмой и фиксаж с экспозицией. Приходите завтра!

Но его не слушают, и ему приходится установить свой громоздкий аппарат, направив объектив на странную группу: Пьер с перевязанным горлом, в пиджаке и сапогах, Сергей и Марис в новой форме и касках, а в центре Рита, сидящая на столике с баухромой. На заднем фоне виден задник, где нарисованы сосны и горы, водопады и развалины замка.

Фотограф скрывается под черным покрывалом, и группа, приготовившаяся к съемке, занимает весь кадр.

Наплыв. И тотчас же мы видим эту фотографию в руках старого смотрителя маяка Лусиса, когда он вынимает ее из табачной коробки, чтобы показать Инессе и Артуру.

Разглядывая вместе с Инессой фотографию, Артур, нахмурясь, спросил:

— Дедушка, постой... ты же сам мне говорил, что кровь у меня настоящая морская... рыбачья кровь. А оказывается...

— Э-э, парнишка,— сказал дед.— Кровь — это только так говорится. Разве дело в том, кем человек родился? Чушь! Все дело, каким его сделала жизнь. Ты наш. Настоящий! Разве ты когда-нибудь хоть раз почувствовал себя среди нас чужим?

Артур посмотрел вместо ответа на Инессу, она на него, и вдруг они оба пожали плечами и засмеялись, так нелепа кажется им мысль стать чужими из-за каких-то старых историй...

Снова фотография в их руках заполняет весь кадр. Сышен щелчок аппарата — и группа приходит в движение.

Фотограф едва успевает выбраться из-под черного покрывала, как к нему подходят, смущенно одергивая гимнастерки, двое солдат и становятся перед объективом.

Фотограф хотел было отказатьться, но, махнув рукой, деловито начинает составлять группу для снимка.

— А где же мои малыши? — вдруг спохватившись, спросила Рита.

Оглядываясь, все двинулись по переулку. Первый же встречный солдат показал рукой, куда убежали ребятишки, которых только что кормили кашей.

Рита, Сергей, Марис и Пьер поднялись на дюну, где стоит, глядя в море, старый Лусис, и невольно остановились.

Двое малышей, пройдя мимо подбитого танка и мотков колючей проволоки, раздевааясь на ходу, бегут к спокойному, залитому солнцем морю.

Опрокинутая пушка с длинным стволом лежит, наполовину зарывшись в песок. На ее зияющее жерло Инесса второпях набрасывает свою рубашонку. Остальная одежда осталась валяться прямо на песке, и теперь с дюны видно, как две маленькие голые фигурки осторожно вступили в сверкающую на солнце морскую воду. Нерешительно прошли несколько шагов и вдруг вскрикнули, замахали руками и, с наслаждением разбрызгивая вокруг себя воду, ве-

село пошли по мелководью, точно собираясь перейти пешком все море до горизонта...

Смотрят им вслед чуть улыбающиеся автоматы, Сергей, Марис, Пьер и Рита, девочка с усталым лицом, отмеченным широкой полосой шрама...

И вот уходит медленным наплывом лицо девочки со шрамом, и на его месте возникает лицо ее сестры — Инессы, точно вновь рожденной, без шрама, оставленного войной.

Еще минуту она видит побережье таким, каким оно было в рассказе деда: все в колючей проволоке, с разбитым танком и щелями окопов. Вдруг воздух наполняется многоголосым все приближающимся ликующим криком.

Лавина маленьких загорелых ребятишек из пионерского лагеря несется с дюн. Они бегут прямо на колючую проволоку, окопы и пушки, и все эти видения войны бледнеют, расплываются, отступая в прошлое, в небытие перед ними, и остается только гладкий песок и сверкающее на солнце море.

Сотни счастливых малышей вбегают в море на том самом месте, где только что входили в воду робкие маленькие фигурки ребятишек, едва вырвавшихся из огня войны.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

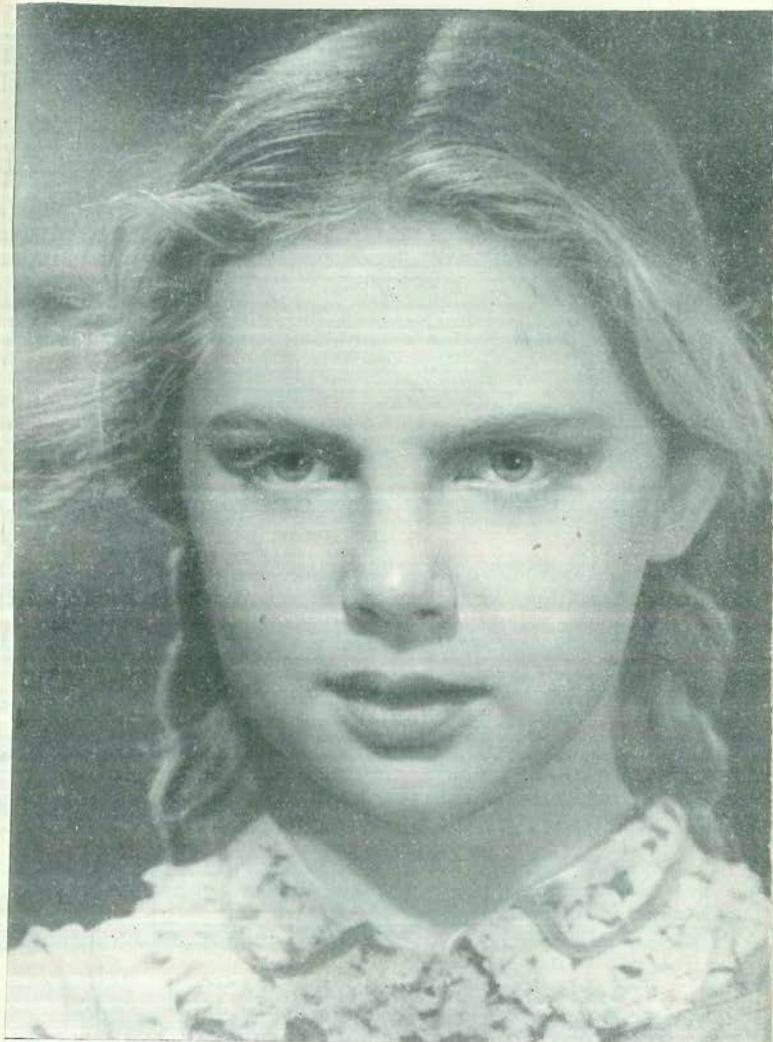
Фильм «Рита» по сценарию Ф. Кнорре поставлен на Рижской киностудии художественных и хроникальных фильмов в 1957 году.

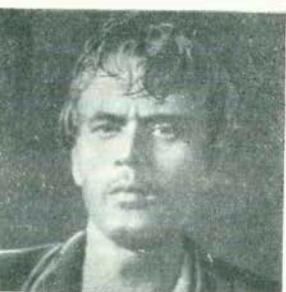
Постановка режиссера А. Неретнека. Оператор — М. Рудзитис. Художник — Л. Грасманис. Композитор — А. Скулте. Звукооператор — А. Патрикеева.

Роли исполняют:

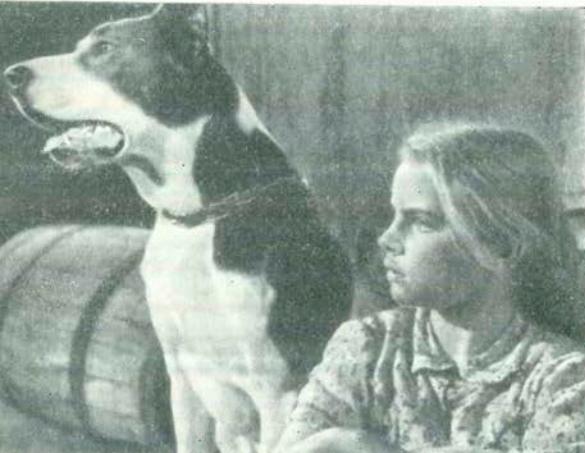
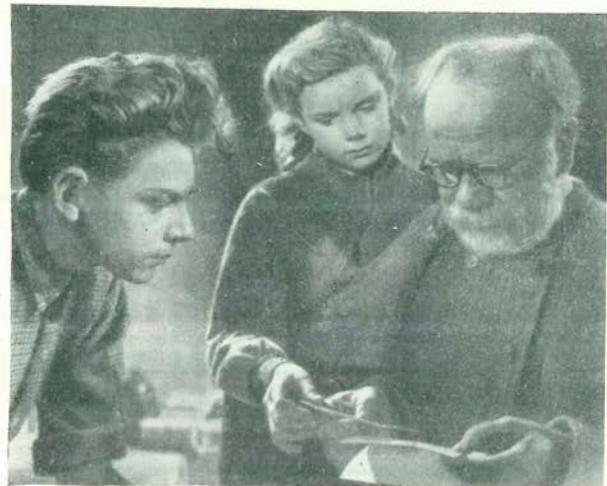
Рита, Инесса — Инесса Гулбе, Дед Лусис — Х. Аванс. Марта — Л. Жигуле. Артур — И. Скраптыньш. Сергей — Э. Павул. Марис — В. Зандберг. Айвар — Э. Лигерс. Пьер — А. Лининьш. Берт — А. Мильбрет. Эрих — Я. Грантыньш. Камерер — Х. Мисинь. Фрау Камерер — В. Лине.

**КАДРЫ
ИЗ ФИЛЬМА**

Фёдор Кнопре
РИТА

Редактор Т. Е. Королькова
Оформление художников Л. Г. и И. П. Виноградовых

Художественный редактор Э. Э. Ринчин
Технический редактор В. А. Горина
Корректор В. А. Струнова

Подп. в печ. 21/XI 1959 г.
Сдано в производство 22/X 1959 г.
По оригиналу-макету
Формы. бум. 70×92^{1/3}. Печ. л. 3,13 (условных 3,66)
Уч.-издат. л. 3,3. Тираж 10500 экз. Ш04608

«Искусство», Москва И-51, Цветной бульвар, 25
Изд. № 15264. Зак. тип. № 986.

Московская типография № 8
Управления полиграфической
промышленности
Москва, Ново-Алексеевская, 52

Цена 1 р. 85 к.

Государственное издательство
«Искусство»
выпустило в серии
«Библиотека кинодраматургии»
сценарии:

Е. Габрилович. Коммунист. 1958, 136 стр. цена 2 р. 70 к.

М. Максимов. лично известен. 1958, 163 стр., цена 3 р. 10 к.

А. Абрамов, М. Писманник. Страницы былого. 1958, 87 стр., цена 1 р. 70 к.

М. Маклянский, Л. Шейнин. Ночной патруль. 1958, 143 стр., цена 2 р. 70 к.

В. Виткович, С. Улугзода. Абу Али Ибн-Сина (Авиценна). 1958, 107 стр., цена 1 р. 80 к.

А. Абасс, М. Смирнова. Хождение за три моря (Афанасий Никитин). 1958, 95 стр., цена 1 р. 90 к.

М. Коchner. Илья Муромец. 1959, 96 стр., цена 2 р. 65 к.

Б. Метальников. Березы в степи. 1959, 103 стр., цена 2 р. 10 к.

В. Розов. Летят журавли. 1959, 96 стр., цена 1 р. 85 к.

Все указанные книги можно приобрести через отдел «Книга — почтой» при магазине № 120 Московского горногорного по адресу: Москва, ул. Кирова, д. 6.

Редакция литературы по истории и теории кино просит присыпать свои замечания и пожелания по адресу: Москва, И-51, Цветной бульвар, д. 25, издательство «Искусство».

